

— ФАНТАСТИКА —
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

РЭЙМОНД А. ВИЛЛАРИЛ

ИСТОРИЯ ВОЗВЫШЕНИЯ
ВАМПИРОВ,
РАССКАЗАННАЯ ЛЮДЬМИ

Фантастика: классика и современность

Рэймонд А. Вилларил

**История возвышения вампиров,
рассказанная людьми**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Вилларил Р.

История возвышения вампиров, рассказанная людьми /
Р. Вилларил — «Издательство АСТ», 2018 — (Фантастика:
классика и современность)

ISBN 978-5-17-147911-4

Вирус, превращающий людей в нечто большее, чем они были раньше, быстро захлестывает мир, испытывая на прочность институты современного общества. Все начинается с того, что тело молодой женщины, предположительно незаконной иммигрантки, исчезает из морга маленького городка в Аризоне. Инспектор ПКЗ – организации по контролю за заболеваниями – вынуждена разгадывать эту загадку, еще не подозревая, что стала свидетелем гигантских перемен, которые затронут и ее жизнь, и жизни всех людей мира. Новые существа, прошедшие странные метаморфозы, отвергают термин «вампир», предпочитая называться «сумеречным народом». В борьбе за свой статус полноправных членов общества они рвутся во власть, завоеывая места во всех влиятельных институтах – в судах, в правительстве, в бомонде и даже церкви! В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-147911-4

© Вилларил Р., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	7
Глава 2	26
Глава 3	35
Глава 4	39
Глава 5	52
Глава 6	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Рэймонд А. Вилларил

История возвышения вампиров, рассказанная людьми

© Raymond A. Villareal, 2018

© Перевод. Н. Нестерова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Посвящается маме и папе

Для побежденных спасенье в одном – о спасенье не думать...
Вергилий. «Энеида»

Предисловие

Когда я только начинал собирать материалы о появлении в нашем обществе Сумеречных и об их новейшей истории, мне казалось, что еще слишком рано это делать. События по-прежнему развиваются очень быстро. Но именно эти изменения, в значении которых мы пока только пытаемся разобраться, внушили мне мысль, что сейчас наступил самый подходящий момент описать, как все начиналось, развивалось и... поскольку до развязки еще, вероятно, далеко, хотя бы попытаться вникнуть в суть описываемых конфликтов.

Некоторые историки, возможно, обратились бы к другим, более известным и выдающимся личностям, чем те, чьи высказывания я привожу здесь. Однако считаю, что представленные здесь лица оказали наиболее заметное влияние на ход событий. По правде говоря, к другим сведениям о данном периоде я отношусь с долей скептицизма. Эти исследования, в лучшем случае, небрежны, а описания пестрят скабрёзными деталями малозначительных событий.

Эта книга также посвящена мученикам с обеих сторон, положившим свои жизни на алтарь общего дела. Другие историки по своим личным соображениям пытались преуменьшить значение этих смертей. Занятно, что появление Сумеречных произошло в период, который мы обычно считаем расцветом нашей империи: «Великая судьба начинается, великая судьба заканчивается», как говорил Корнель о Римской империи. Те, другие историки находились во власти подобных заблуждений.

Но не я. Я отвергаю их.

Несмотря на личные жертвы, я стремился быть непредвзятым. Во время работы над книгой я подвергался нападениям, мне неоднократно угрожали. В результате частые госпитализации негативно отразились на качестве моей жизни. Однако я не осуждаю тех, кто ответственен за это. На страницах книги нашлось место всем: и тем, кто пережил данное время, и тем, кому не удалось уцелеть.

Я надеюсь, читатель, это поможет тебе составить полное представление обо всем.

22 апреля

«Нью-Йорк-пост», 13 марта¹: вчера вечером дом богатого судебного юриста Джона Хэтчера из округа Флэтайрон был ограблен тремя неизвестными. В доме никого не было, так как мистер Хэтчер присутствовал на опере «Никсон в Китае». Пока до конца не установлено, какое именно количество золота было похищено грабителями, но, по неподтвержденной информации, его общая стоимость превышает 10 миллионов долларов. Наши источники в региональном офисе ФБР в Нью-Йорке сообщают, что масштабная профессиональная система наблюдения в доме мистера Хэтчера не была повреждена, однако полученная видеозапись оказалась бесполезной для следствия. Представитель ФБР заявил, что в данный момент у Бюро нет подозреваемых, однако расследование продолжается.

¹ Страница 3, раздел новостей.

Глава 1

15 мая, начало *Первый день обнаружения вируса НОЗК*

Доктор Лорен Скотт

Врач-исследователь Центра контроля заболеваемости

«Предоставь мертвым погребать своих мертвецов²». Так говаривал мой отец, когда понимал, что дело безнадежно. Кровь, ставшая, безусловно, одной из основных тем для обсуждений во время текущего расследования, в то время часто занимала мои мысли. Мне как врачу стыдно в этом признаваться, но с самого рождения я боялась вида крови. Вы когда-нибудь видели, как птица летит напрямиком на закрытое окно, а затем падает на землю? Со мной происходило нечто похожее. В детстве у меня замедлялся пульс, падало давление, а потом – бац! Темнота сгущалась, свет гас. И я приходила в себя, лежа на спине.

Позже, когда мне было пятнадцать, новый доктор оказал мне большую услугу— рассказал о том, как, правильно напрягая мышцы ног, тела и рук, вызывать повышение давление и тем самым предотвращать обмороки. Это было гениально! Я много лет потратила на то, чтобы это происходило на автомате – напрягала все мускулы, пока не научилась в совершенстве владеть своим телом, потому что мне нужно было как-то выносить вид крови. Ведь я с самого детства хотела быть врачом.

Знаю, все врачи так говорят. Но это правда. Мой отец зарабатывал на жизнь тем, что чинил холодильники, и летом я часто сопровождала его на работу. Я с восхищением наблюдала за тем, как аккуратно он снимал заднюю стенку, обнажая внутренности двигателя холодильника. Он вытаскивал провода из адаптера и конденсатора, разъединял их с бережностью хирурга. Обжигал мягкий металл, очищая и удаляя поврежденные провода. Даже в этом ужасном, похожем на птичье гнездо, клубке проводов отец точно знал, какой из них нуждается в починке. Я считала его врачом для холодильников и представляла, что он делает операции пришедшим в негодность роботам. Мне хотелось стать врачом, как мой отец, но лечить не холодильники, а людей.

Моя мама была такой же аккуратной, хотя деятельность ее была куда менее продуктивной. Она с маниакальным упорством перекладывала различные предметы на письменном столе и во всем доме, чтобы они были *расставлены по порядку!* Благодаря моим родителям я выросла весьма организованной особой, и профессия медика подходила мне как нельзя лучше. Моя младшая сестра Дженнифер была моей полной противоположностью. К двенадцати годам она уже больше десяти раз убегала из дома. Но не потому, что стремилась сбежать, ей просто хотелось пойти на озеро, или на концерт, или в торговый центр. Через некоторое время родители поняли, что Дженни просто интересно узнавать мир. «Скажи нам, куда ты соберешься в следующий раз! – кричал на нее отец после того, как она исчезла на три дня, чтобы отправиться в поход. – Я сам отвезу тебя туда!» Нужно отдать ему должное: до того момента, как она получила водительские права, что само по себе далось ей с огромным трудом, он часто так и делал.

В медицинской школе я быстро поняла, что любое вмешательство в организм не обходится без крови, и поэтому сосредоточила свое внимание на вирусологии. Впервые я узнала об этой... болезни, когда начала работать в Центре профилактики и контроля заболеваемости (ПКЗ).

ПКЗ – правительственное учреждение, цель которого – обеспечивать безопасность и здоровье населения с помощью профилактики и контроля заболеваемости, травматизма и нетрудоспособности. После медицинской школы я собиралась заниматься исследованиями в

² Евангелие от Матфея, 8:22. – *Примеч. пер.*

области медицины. Я как раз закончила ординатуру, когда Центр ПКЗ обратился в мой университет. Они искали специалистов, которые опробовали бы новые методики работы в обстоятельствах, когда врачам приходится иметь дело с новыми и необычными симптомами. Мне очень понравилось, что в этой работе использовался дедуктивный метод – тебе словно детективу приходилось проводить расследование среди микробов и живых клеток. Благодаря моим учебным изысканиям, а также опыту работы в лаборатории микробезопасности третьего уровня с патогенными и летальными отравляющими веществами, в центре сочли мое резюме просто идеальным для данной вакансии. К тому времени я уже прошла практику в Международной организации здравоохранения в ряде стран третьего мира, в основном, в Западной Африке. Так что подобное начало трудовой карьеры подходило мне как нельзя кстати.

Поскольку я была еще молода и неопытна, обычно меня отправляли в те регионы, откуда поступала информация о заболеваниях, не представлявших особой угрозы. Именно поэтому, когда в апреле месяце мы получили странный, полный недомолвок отчет из города Ногалеса в штате Аризона, это не вызвало особого беспокойства у моих старших коллег. Дело казалось совершенно заурядным.

Поэтому ПКЗ послал туда меня.

* * *

Отчет, полученный из Аризоны, был доставлен быстрее обычного, поскольку Ногалес – приграничный город, а в таких случаях никогда не знаешь, чего ожидать, если под боком находится другая страна. В ту же неделю случилась паника, связанная со вспышками на солнце, что еще больше усилило напряжение. Необычная солнечная активность приводила к сбоям в передаче спутниковых и радиосигналов, а также авариям в электросетях. Но, конечно, все было не так ужасно, как об этом рассказывали по телевизору – когда смотришь «Фокс-ньюз» или Си-эн-эн, тебе кажется, что весь мир погрузился во тьму, хотя на самом деле в стране всего лишь возникли небольшие перебои в работе Интернета и системе спутниковой навигации. Мы с моей сестрой Дженнифер, которая обожала обмениваться текстовыми сообщениями, решили оставаться на связи, несмотря на проблемы с Интернетом. Мы посылали друг другу по почте самые слащавые открытки, которые только могли найти – обычно мы покупали их на заправках или в кафе. По дороге в Аризону мне особо нечем было заняться, за исключением нескольких звонков официальным лицам в Ногалесе, с которыми нужно было обсудить произошедшее.

Я прилетела в четверг, в знойный полдень. Горячий воздух ударил мне в лицо, когда я вышла из здания аэропорта в поисках такси. Моим контактным лицом в Ногалесе был доктор Гектор Гомес, возглавлявший городской отдел здравоохранения, а также являвшийся местным судмедэкспертом. Мы договорились встретиться в здании, где проводились судебно-медицинские экспертизы, чтобы я могла осмотреть там тела. У меня было три чемодана, в двух из которых находилось мое оборудование, включая защитный костюм и другую экипировку. Согласно правилам ПКЗ, лицо, проводящее осмотр на местах, должно быть обеспечено полностью герметичным костюмом, защищающим от воздействия химических веществ. Я думала взять с собой автономный дыхательный аппарат и костюм высшего класса защиты, но решила, что это уже слишком. К тому же они были чертовски тяжелыми.

Отдел судмедэкспертизы располагался в небольшом типовом офисе, оформленном в невзрачные серо-зеленые цвета с практичной мебелью и стенами, выкрашенными дешевой свинцовой краской. В маленькой приемной я увидела молодого человека, вероятно, доктора Гомеса, и еще одного мужчину в форме полицейского, проявлявшего явное нетерпение в ожидании моего появления.

Я протянула руку и заговорила, стараясь, чтобы мой голос звучал по-взрослому солидно:
– Здравствуйте, я Лорен Скотт.

Молодой мужчина с темными густыми усами, почти скрывшими его поджатые губы, взял мою руку.

– Доктор Гомес. Рад встрече с вами, доктор Скотт. Хорошо, что вы, наконец-то, приехали. Это шериф Уилсон.

Высокий человек в полицейской форме слегка приподнял свою ковбойскую шляпу в знак приветствия. Его сосредоточенный взгляд на изрезанном морщинами лице говорил о том, что он готов сразу перейти к делу:

– Приятно познакомиться.

– Рада встрече с вами обоими, – ответила я. – И, пожалуйста, называйте меня Лорен.

– Давайте незамедлительно перейдем к делу, – предложил доктор Гомес, теребя в правой руке маленький блокнот, словно он собирался делать конспект нашей беседы. – Пойдемте в морг, там вы сможете изучить данные наших исследований тела.

Я проследовала за ними по длинному коридору, затем мы спустились по лестнице в подвал. Мне в нос ударил запах формальдегида и спирта. В холодном воздухе мигали флуоресцентные лампы. Я с трудом сдерживалась, чтобы не отпустить какую-нибудь шутку или не броситься бежать со всех ног; настолько это старое здание напоминало декорации к какому-нибудь телесериалу. Я увидела, что тело уже лежит на столе, накрытое зеленой простыней. Когда доктор Гомес поднял простынь, я на секунду подумала, что, возможно, мне стоило надеть костюм или хотя бы защитную маску. Я все еще была новичком и боялась подцепить какую-нибудь инфекцию в отличие от наших прошедших огонь и воду ветеранов, которые, отправляясь в горячие точки, даже не удосуживались надеть перчатки, не говоря уж о защитных костюмах.

Я приблизилась к телу и заметила, что на нем нет явных признаков повреждений.

– Как долго тело пролежало здесь? – спросила я.

Прежде чем ответить, доктор Гомес бросил взгляд на шерифа, нахмурившись и выпятив нижнюю губу:

– Двадцать четыре часа.

Тогда мне стоило бы сразу обратиться за помощью, но я лишь с удивлением повернулась к Гомесу:

– Вы позвонили три дня назад и сообщили, что на трупе были обнаружены необычные гематомы и подкожные кровоподтеки, занимавшие более девяноста процентов всей поверхности тела. Я думала, это то самое тело! Мне нужно осмотреть его.

Шериф Уилсон и доктор Гомес обменялись страдальческими взглядами.

– Того тела здесь больше нет.

Я уставилась на них и, кажется, в этот момент даже открыла от удивления рот.

– Что вы хотите этим сказать?

– Очевидно, его украли из морга, – ответил шериф Уилсон со взглядом мученика. – Следствие все еще продолжается. Если честно, нам непонятно, как это произошло, и кому в здравом уме пришлось в голову воровать его. Надеюсь, это просто хулиганская выходка каких-нибудь студентов из колледжа.

– Надо же, – ответила я и указала на лежавшее на столе тело. – А это кто?

– Еще одно тело, которое мы нашли в овраге. На нем были обнаружены идентичные гематомы, как и в предыдущем случае, – ответил доктор Гомес.

Я склонилась над трупом. На голове уже был сделан надрез. Я посмотрела на доктора Гомеса.

– Мы сначала сами хотели во всем разобраться, – объяснил он. – Но потом спохватились и решили остановиться. Прошу прощения.

– Честно говоря, когда я получила по электронной почте отчет, я такого не ожидала. – Я разозлилась, но что я могла поделать? На данный момент нужно было провести внешний осмотр. Я положила мой айфон на маленький столик и включила запись.

– Явные следы повреждений, способных повлечь за собой смерть, отсутствуют. Покойная – женщина, на вид около тридцати лет, телосложение среднее. Вес – сто сорок пять фунтов. На теле нет особых отметин и татуировок. При повороте головы я заметила две круглые раны – отверстия, каждое примерно по миллиметру в диаметре, возможно, следы от укуса. Раны расположены рядом с сонной артерией и проникают внутрь, установить их глубину пока не представляется возможным.

Я наклонилась и почувствовала легкий аромат. Возможно, цветочный? Сладкий, но, как ни странно, неприятный. Скорее всего, дешевые духи. Я потерла нос тыльной стороной ладони. Запах исчез достаточно быстро и не причинил мне особого беспокойства. Я продолжила осмотр.

– Необходимо провести вскрытие. При внешнем осмотре не похоже, чтобы данные раны стали причиной смерти, если только через них в тело не был введен яд. Однако раны напоминают следы от укуса. Тем не менее, они не похожи на следы от зубов человека или известных мне животных. Я собираюсь взять пробы для исследования тела под микроскопом. Под ногтями не обнаружено ни крови, ни частичек кожи, но необходимо взять анализы для дальнейшего исследования. Зубы в хорошем состоянии, но два верхних моляра отсутствуют. Больше на этот счет я ничего не могу сказать. Полный осмотр тела не выявил очевидных признаков травмы. Необходимо срочно провести химический анализ волос и крови. При обследовании глаз не обнаружены гемангиомы или петехиальная сыпь. Завтра утром будет проведено вскрытие и исследование мозга.

Доктор Гомес передал мне шприц. Я взяла образцы крови и слюны и поместила их в контейнеры для хранения биоматериалов. Правда, возникли некоторые трудности с получением необходимого количества крови. Даже обычное прикосновение к трупку указывало на то, что он был странным образом обескровлен. Возможно, имела место преждевременная коагуляция.

– Где я могу быстро провести химический анализ этих материалов?

– В университете Аризоны в Санта-Круз есть небольшая лаборатория, – ответил доктор Гомес. – Я договорюсь, чтобы их отвезли туда сегодня же вечером. Тамашние лаборанты мне кое-чем обязаны. Они справятся в два счета. Данные будут не особенно подробными, но для начала и этого хватит.

Выйдя в коридор, я остановилась и повернулась к шерифу.

– Скажите, прежде чем звонить мне, вы полностью исключили человеческий фактор? – спросила я. – В смысле, убийство?

Шериф Уилсон кивнул.

– Разумеется. Но первое тело, тоже женщины... она была мертва. Не подавала никаких признаков жизни. А потом она вдруг встала и ушла! Гектор отправил образец волос в криминалистическую лабораторию штата, и нам сказали, что там была какая-то неустановленная субстанция или что-то в этом роде, и попросили нас позвонить в департамент здравоохранения штата. Мы обязаны были обратиться к кому-нибудь на федеральном уровне. И Гектор, то есть доктор Гомес, решил, что нужно позвонить в Центр ПКЗ. Следующим в списке было ФБР, – улыбнулся он. – Возможно, мы еще обратимся к ним.

– Спасибо, – сказала я, пытаюсь собраться с мыслями. – Думаю, мне стоит вернуться в отель и разобрать вещи. А потом поедем осмотреть овраг, где были найдены тела.

Шериф Уилсон и доктор Гомес лишь глубокомысленно кивнули в ответ.

Я заселилась в обшарпанный отель из сети «Ла Квинта» неподалеку от мексиканской границы. Выбор гостиниц в этом городе оказался не особенно богатым. Бросив сумки на кровать, я попыталась вздремнуть, несмотря на оглушительное тарыхтение кондиционера. Мне нужно было отдохнуть перед тем, как я получу результаты токсикологической экспертизы, а я надеялась, что они будут готовы как можно скорее.

Уже тогда, в самом начале ситуация казалась мне очень странной. Кто мог похитить тело из офиса судмедэксперта? Меня также поразили отметины на шее. И куда подевалась вся кровь? Я столько лет избегала вида крови, но теперь сожалела об ее отсутствии. Как всегда дело было в крови. Мне вспомнился «Макбет»: «Чем они по крови ближе, тем на кровь жадней». Кажется, я слышала эту цитату от отца. Теперь мне думается, это было весьма уместно, ведь с той поры моя жизнь оказалась тесно связанной с кровью.

Перекинув фотографии на айпад, я попыталась определить, какое животное могло оставить подобные отметины. А также выяснить, что могло означать отсутствие моляров и какое заболевание могло это спровоцировать. Самыми очевидными были диабет и рак, однако тело выглядело достаточно здоровым, поэтому я исключила подобные вероятности. С другой стороны, здесь могло иметь место какое-то аутоиммунное заболевание, но для его выявления потребовались бы дополнительные анализы. Я взяла на заметку, что необходимо будет отправить в Атланту образцы тканей. Это было мое первое самостоятельное задание, и я должна была предусмотреть все варианты.

Едва я прилегла, кое-как устроившись на плоской подушке, как в дверь постучали, и я буквально подпрыгнула от неожиданности.

– Доктор Скотт? Это шериф Уилсон и доктор Гомес.

Я открыла дверь. Они стояли с виноватыми и растерянными лицами.

– Извините, – сказал шериф. – Мы пытались вам дозвониться, но вы, наверное, переключили телефон на беззвучный режим...

– Что случилось? – резко перебила я его. Вероятно, переутомление уже начало сказываться на мне. – Вы уже получили результаты?

Уилсон посмотрел на Гомеса, складывалось впечатление, что они оба не хотят отвечать. Шериф выиграл в этой молчаливой битве.

– Тело... – сказал доктор Гомес, – в морге его больше нет.

По дороге в морг шериф Уилсон пытался все объяснить.

– К нам еще никогда никто не вламывался, – сказал он.

«Нашел чем хвастаться», – подумала я про себя.

– Но это еще не все, – продолжал шериф. – Охранник, дежуривший у черного входа, сказал, что к нему подошла женщина и ударила его хирургическим молотком, а что было дальше, он не помнит.

– Извините, какая женщина?

– Женщина, которую вы осматривали. Труп на столе.

Я рассмеялась.

– Этого не может быть.

На минуту в машине повисла пауза. Затем шериф ответил:

– Он клянется, что так и было.

Я посмотрела в окно. Казалось, что передо мной все время прокручивали одно и то же изображение: каждые несколько миль – одинаковые кактусы, чьи изогнутые отростки-руки застыли в приветствии катящимся вдоль дороги шарам перекати-поля.

Приехав в морг, мы застали там охранника. Он внимательно осматривал помещение, откуда мы уехали всего несколько часов назад, словно разыскивал потерянные ключи. Я увидела пустой стол, а потом заметила, что находившиеся на полке медицинские инструменты разбросаны по полу, как будто здесь случилось землетрясение. Мой взгляд упал на ролик марли и ножницы на столе.

Уилсон проследил за моим взглядом.

– Охранник говорит, что голова женщины была перевязана, – заметил он.

Мы с доктором Гомесом переглянулись. Нам оставалось только пожать плечами. Мы вошли в другую комнату, где еще один охранник, которому на вид было не больше девятнадцати лет, сидел на полу с перевязанной головой. Он рассказал нам свою историю, прижимая к голове пакет со льдом.

– Сначала я был один, – сказал он, – а потом вдруг появилась та девушка...

– Предполагаемый труп? – уточнила я.

Он медленно кивнул.

– Да. Она. Встала прямо передо мной. Я ел шоколадку «твикс». А девушка...

– Предполагаемый труп, – повторила я.

Охранник запнулся. Он в волнении посмотрел на шерифа, затем продолжил:

– Ну да. Предполагаемый труп. На ней были брюки. И толстовка. Она была босая.

– В коридоре есть шкафчик для одежды, – вмешался шериф Уилсон. – Лаборанты и охранники, работающие в морге, пользуются им. Его взломали, и одежда, о которой он говорит, пропала.

– Я хотел спросить ее, что она здесь делает, но не мог вымолвить ни слова, – продолжал охранник, его вытянутое лицо было нахмурено. – Затем, когда я, наконец, собрался заговорить, мне на голову опустился молоток.

Я кивнула, стараясь контролировать выражение лица, чтобы не показывать своего отвращения.

– Вчера исчезло еще одно тело. А в тот раз...

– Из шкафчика точно так же пропала одежда, – завершил мою фразу шериф Уилсон.

Я не могла избавиться от мысли, что охранник сам выглядел едва живым, возможно, находился под действием амфетамина. Так что дело могло быть не только в ударе молотком по голове. Вероятно, хороших сотрудников в этом захолустье было непросто найти. Поскольку нам больше нечем было заняться: предварительные результаты анализов еще не поступили, тела для исследования у нас не было, а спать уже не хотелось – мы решили отправиться в пустыню, где были обнаружены тела.

* * *

В пустыне все еще было темно. Но я не могу подобрать слов, чтобы описать, как причудливо стужалась тьма к горизонту. Мы покинули морг всего десять минут назад, но казалось, что свет фар нашего автомобиля высвечивает нам путь в иной мир, ведет нас в темное небо. Мы остановились у небольшого холма, где находилась металлическая изгородь в восемь футов высотой с колючей проволокой наверху и бетонными столбами через каждые пару футов. С юга дул холодный ветер, и поблизости не было ничего живого. Я поняла, что это и есть граница, хотя, честно говоря, зрелище меня немного разочаровало. Я вышла из полицейского фургона и удивилась, почувствовав под ногами траву, а не привычный для пустыни песок.

Шериф Уилсон похлопал рукой по изгороди:

– По другую сторону – Мексика. Но, на первый взгляд, никаких различий, правда?

Насколько я могла разглядеть, за изгородью тянулся все тот же пейзаж, только освещен он был хуже. Я не могла отделаться от ощущения, будто оттуда, из мрака кто-то наблюдает за мной. Я вглядывалась в темноту, но так ничего и не увидела. Мне почудилось, будто долгие годы это место было погружено в небытие, и эта мысль заставила меня содрогнуться и закашляться.

Свет фар фургона освещал неглубокую яму рядом с изгородью. От ледяного пустынного ветра у меня по спине пробежал холодок. Я присела на корточки около ямы, но увидела только влажную землю. Доктор Гомес встал рядом со мной, словно бейсболист, собирающийся ловить мяч, и провел по ней рукой.

Трупы обнаружил водитель грузовика, перевозившего компьютерный хлам. Его машина заглохла на обочине дороги. Никто не знает, почему он выбрал этот объездной путь, хотя шериф сказал, что подозревает его в перевозке незаконного груза. Водитель ждал эвакуатор, когда заметил, как кто-то очень быстро убегает прочь. Потом он увидел, что вдалеке из земли торчит рука. Когда он решил проверить, что там, и подошел поближе, то обнаружил тело.

– Пограничники прибыли на место раньше эвакуатора, – послышался голос шерифа со стороны слепящих глаза фар. – Они проверили забор и остались с телом. Позвонили нам. Остальное вам известно.

Я посветила в яму фонариком. Положила в пластиковый пакет немного земли для исследований. Посветила фонариком на пакет. Земля имела красноватый оттенок. Затем подняла глаза на шерифа Уилсона.

– Это засохшая кровь?

Он взял пакетик, отодвинул на затылок свою ковбойскую шляпу и стал изучать содержимое в свете своего маленького фонаря.

– Возможно. – Он отдал мне пакет и осветил фонарем почву. Взял немного земли и стал светить фонарем на руку, растирая землю между указательным и большим пальцами. – Черт возьми, похоже, здесь и свежая кровь тоже!

Размышляя о пограничниках, я дотронулась пальцем до того же места, что и Уилсон. Запекшаяся и свежая кровь смешались на моих пальцах. Теперь, вспоминая случившееся, я понимаю, что все это место напоминало свежую могилу, но тогда, на рассвете нам казалось, что это просто земля возле забора. В то время никто из нас еще не знал о массовом захоронении по другую сторону от него.

Я вернулась в отель около пяти утра. Опустив голову на подушку, я подумала, что нужно написать электронное письмо в ПКЗ, но они занимались очередной вспышкой эпидемии Эбола в Африке, к тому же в Миннесоте появились потенциальные разносчики болезни. Никто не станет читать мой отчет в ближайшие пару недель.

Вероятно, я проспала около часа, пока не проснулась от жужжания телефона. Звонил доктор Гомес. Его голос звучал встревоженно, хотя, если честно, за время нашего непродолжительного знакомства мне показалось, что он всегда разговаривает так, будто не в себе.

– Звонили из лаборатории, – быстро заговорил он. – Они хотят нас видеть. Немедленно.

* * *

В научной лаборатории Университета Аризоны в Санта-Круз (находящемся примерно в тридцати минутах езды от Nogales) в тесном офисе я налила себе кофе, размешала в нем кусочки сахара и познакомилась с ожидавшими нас студентом-медиком и профессором. Гомес выглядел так, словно не спал два дня. Они с профессором Ченом обменялись рукопожатиями как старые знакомые. Чен оказался худощавым подвижным пожилым мужчиной с взъерошенными волосами и в помятом костюме. Его ассистент, Джимми Мортон, выглядел как типичный хипстер. На нем была красная фланелевая рубашка, а усы – лихо подкручены на концах. Вероятно, свой монокль он сегодня оставил дома.

Чен жестом подозвал нас к компьютеру.

– Значит, так, мы провели предварительный анализ крови. В последнее время работы у нас немного, поэтому сделали все быстро, но, знаете ли, нам необходима консультация гематолога, – его глаза сверкали точно бенгальские огни. – Приготовьтесь, это буквально взорвет ваш мозг! – Он щелкнул компьютерной мышкой, и на мониторе в неоновых красно-зеленых цветах появилось увеличенное в 1000 раз цифровое изображение высокой четкости, напоминающее анимированную видеопигу. – Было бы гораздо лучше использовать электронный мик-

роскоп, но у нас, разумеется, нет доступа к такому оборудованию. – Он указал костлявым пальцем на красные круги на мониторе. – Видите эти тромбоциты? Сначала мы подумали, что это незнакомая нам разновидность серповидно-клеточной анемии, но посмотрите сюда. Это похоже на классический случай лейкемии. Однако в наших последующих анализах даже она не была выявлена. Кроме того, временами мы фиксируем состояние гиперкоагуляции, а затем снова происходит адаптация.

Шериф Уилсон поднял руку:

– А что такое эта гипер... как там ее?

– Это означает, что кровь очень легко свертывается, – ответил Джимми. Я втайне надеялась, что он вот-вот начнет подкручивать свои усы. – Это не очень хорошо, так как могут возникать тромбы, угрожающие жизни пациента. Человек, обладающий такой кровью, будет иметь тромбы в венах.

– Если честно, я думаю, что это и стало причиной смерти того человека, – продолжал профессор Чен, потирая свои узловатые руки.

– Она жива, – возразила я и посмотрела на шерифа. – По всей вероятности.

Чен и Мортон сначала уставились на нас, а затем переглянулись.

– Но как? Это же абсурд, – возразил профессор Чен. Не дождавшись ответа, он продолжил: – Вы не поверите тому, что я скажу, но в таком случае это значит, что свертываемость крови была интенсивно снижена. Причем на таком уровне может начаться мутация, способная привести к результатам, близким к лихорадке Эбола! Я серьезно.

– Можете не сомневаться, – подтвердил Джимми.

– Это похоже на неизвестную мне форму эссенциальной тромбоцитемии, – сказал Чен. – Нужно послать образцы в Университет Аризоны, в их лабораторию для дополнительных анализов. Короче говоря, нам, возможно, стоило бы надеть костюмы высшего класса защиты или проводить исследование в лаборатории четвертого уровня биологической безопасности. Мне хотелось бы выяснить, не прикрепляется ли данный вирус к белку-рецептору NPC1 аналогично в случаях заражения лихорадкой Эбола.

– Я должна как можно скорее отправить образцы в ПКЗ, – сказала я, словно замороженная глядя на экран и чувствуя прилив адреналина. Неужели в этом маленьком захолустном городишке появился новый вирус?

У шерифа Уилсона зазвонил телефон. Он отошел в сторону, чтобы ответить на звонок.

– Вообще-то, гематология не моя специализация, – признался доктор Гомес, – но может ли организм в подобном состоянии оставаться живым?

– Это маловероятно, – ответил профессор Чен. – Полагаю, исключения возможны для всех заболеваний, но не думаю, что организм сможет выжить в подобных обстоятельствах. То есть, к примеру, Эбола убивает в очень короткий период времени, а эта болезнь, судя по всему, так же ужасна, если не хуже. Я мог бы предположить, что она стала причиной смерти. Но вы говорите, что та женщина не умерла. По правде говоря, мне это кажется невероятным.

– Мне тоже, но именно так и произошло, – пожал плечами доктор Гомес.

Шериф Уилсон вернулся к компьютеру.

– Ну вот, у нас хорошие новости. Появилась зацепка. Девушка по имени Лиза Соул объявлена в розыск своей соседкой по комнате. И ее описание совпадает с описанием нашего последнего тела.

– Не возражаете, если я поеду с вами? – спросила я.

– Я как раз собирался попросить вас об этом, – ответил шериф Уилсон.

Мы отправились в старый многоквартирный комплекс, находившийся всего в трех милях от лаборатории. Солнце уже взошло, и я чувствовала себя так, словно из моего тела откачали всю энергию. Я отчаянно нуждалась в еще одной чашке кофе, но была уверена, что в ближайшее время мне это не светит. Удивительно, но я вообще-то не люблю запах кофе. Он напоми-

нает мне о летних поездках в дом моей тети во Флориде. Там всегда пахло кофе, было ужасно жарко и влажно. Запах кофе у меня ассоциируется со скукой и москитами, но в медицинской школе тебе приходится менять все свои привычки и взгляды.

Я насчитала, что в комплексе около двадцати домов – не так уж и много на самом деле. В каждом – всего по три этажа и парковка. Мы поднялись по лестнице, направляясь в квартиру 221. Когда мы оказались наверху, лицо шерифа Уилсона помрачнело.

– В чем дело? – спросил доктор Гомес.

– Один из моих помощников собирался встретить нас здесь. Он должен был ждать нас. Сказал, что уже на месте. – Шериф нахмурился и огляделся. – Знаете, округ у нас небольшой. И я привык, что мои помощники выполняют все мои указания.

Уилсон несколько раз постучал в дверь, немного подождал, затем взялся за ручку и повернул ее. Дверь распахнулась. Однако он не стал входить. Мы переглянулись. Тяжело вздохнув, шериф Уилсон переступил через порог квартиры.

– Кажется, кто-то здесь попал в переплет, – сказал он, но его голос прозвучал не особенно уверенно.

Мы вошли внутрь, и меня тут же поразил знакомый запах. В тот момент я не могла понять, откуда он исходил, но сразу узнала знакомые сладковатые нотки, как в Ногалесе за шесть часов до этого. И, разумеется, прежде чем войти, мы все должны были надеть маски. За эту поездку я нарушила столько правил, что удивительно, как я после этого вообще не осталась без работы.

Квартира выглядела так, словно ее покинули в большой спешке. По телевизору показывали какое-то реалити-шоу со знаменитостями. На столе стояли две тарелки с недоеденными суши, а по краям – два бокала вина. Уилсон и Гомес заглянули в спальню, а я прошла на кухню. Я не заметила там ничего необычного. На холодильнике я увидела картонку с цветочным орнаментом. Она была прикреплена магнитом в виде персонажа мультфильма «Губка Боб квадратные штаны». На картонке наверху большими буквами было написано: «ЧТО ЛИЗА ДОЛЖНА СДЕЛАТЬ В ЭТОМ ГОДУ!!!» Не раздумывая, я сняла картонку с холодильника и спрятала в карман куртки. Шериф вернулся в гостиную и снова осмотрелся.

– Никаких следов соседки или мертвой девушки, – сказал он. Соседку, которая подала заявление, звали Гленда Джонс. Но сейчас это было уже не так важно. Он посмотрел на меня. – То есть, предполагаемого трупа.

Я даже не пыталась скрыть улыбку. И эта улыбка все еще не сошла с моего лица, когда через мгновение послышался крик доктора Гомеса. Мы оба быстро пошли по коридору и едва не столкнулись со спешившим нам навстречу Гомесом. Он махнул рукой назад, и шериф Уилсон вытащил пистолет.

– В ванной, – крикнул Гомес.

Уилсон двинулся вперед, жестом приказав мне оставаться на месте, но я последовала за ним. Уилсон поднял пистолет и вошел внутрь. Ванная была маленькой, и я остановилась в дверях.

– Нет, Господи, нет, – пробормотал Уилсон. Он присел на корточки у ванны и убрал пистолет в кобуру. Я вошла и заглянула ему через плечо. В ванне лежал молодой человек в той же униформе, что и Уилсон. Его лицо было бледным. Глаза открыты.

Очевидно, что он был мертв. *Пока что.*

Вот так все это на самом деле началось. Воскресшая из мертвых девушка, мертвый помощник шерифа, пропавшая соседка. Позже я буду ненавидеть себя за то, что не позвонила в ФБР и не распорядилась немедленно объявить в регионе карантин. Однако события разворачивались слишком быстро. После происшествия в ванной Лизы Соул полиции и ПКЗ (в моем лице) пришлось принять целый комплекс мер.

Разумеется, я хотела взять в квартире образцы для анализа, но мне ничего не удалось обнаружить. Как ни странно, там не было никаких следов крови. Аутопсия, проведенная доктором Гомесом, показала, что помощник шерифа Шон Миллер умер от потери крови. Гомес проводил вскрытие в течение нескольких часов, пытаясь обнаружить другую причину смерти, однако пришел к выводу, что все произошло из-за полной потери крови.

Я сама осмотрела тело и пришла к тому же выводу. Два отверстия в районе сонной артерии могли быть единственным источником обескровливания. Никаких травм, синяков, ссадин и порезов.

Доктор Гомес не мог в это поверить. Но даже нож мясника не способен был привести к подобным результатам. Первый день я провела с ним, пытаясь понять, как через эти два небольших отверстия можно было выкачать из тела всю кровь за считанные минуты. Помощник шерифа Миллер прибыл на место не более чем за час до нас, взял показания, позвонил, отчитался и стал ждать нас. Все это казалось просто невероятным.

Нам с доктором Гомесом удалось добыть небольшое количество крови, и анализ дал такие же результаты, как и образец, взятый у сбежавшего из морга тела. Образцы были отправлены в Галвестон, штат Техас – в Техасский университет, располагавший лабораторией четвертого уровня биологической безопасности. И анализ показал точно такие же характеристики, как предыдущий образец. Однако при исследовании с помощью электронной микрографии они обнаружили мутацию, которую идентифицировали как марбургский вирус, вызывающий геморрагическую лихорадку. Этот вирус был так же опасен, как и вирус Эболы. Мои руководители до сих пор не признали всю серьезность этих заключений, однако велели мне оставаться на месте на случай, если симптомы вируса проявятся у других людей. Я с ужасом думала о том, как будет выглядеть моя квартира в Атланте, если я проведу вдали от дома еще один месяц. И, словно нарочно, в тот же момент мне позвонила мама. Она была в истерике. «Лорен, слава Богу! Что происходит? Почему твоя квартира выглядит такой заброшенной?» – выпалила она. Я попросила сестру заезжать ко мне раз в несколько дней. Но когда ты обращаешься с важной просьбой к девушке двадцати с небольшим лет, у которой к тому же недавно появился новый парень, наивно надеяться на ее память и какую-либо ответственность.

Буквально через месяц в Аризоне и Нью-Мексико стали появляться новые тела. Каждый раз при обнаружении обескровленного трупа из дома, где проживал погибший, пропадал еще один жилец. У трупов либо была выкачана вся кровь, либо их кровь обладала теми же характеристиками, как и у первой умершей девушки – Лизы Соул.

Лизе было двадцать восемь лет. Она жила в Далласе, штат Техас, работала в магазинах розничной торговли, несколько раз выходила замуж, затем решила вернуться к обучению и получить высшее образование в Аризонском университете. Но долго там не задержалась: вскоре встретила очередного мужчину, переехала в Ногалес и устроилась работать в «Пиццу-Хат». Как и предыдущие ее отношения, этот роман продлился недолго, и вскоре она переехала из дома своего парня в квартиру, которую нашла по объявлению в газете и в которой часто менялись соседки.

Разумеется, ПКЗ следовало бы принять более активное участие в этом событии, принимая во внимание, как быстро распространялся вирус, но Центр по-прежнему был занят борьбой с Эболой, которая свирепствовала в Африке, а затем была завезена в Соединенные Штаты медиками и туристами. Обнаруженное мной заболевание крови не привлекло внимания, и исследования не получили особого финансирования. Меня назначили руководителем группы в Ногалесе через месяц после описанных выше событий. Однако «группа» – это очень громко сказано. Я по-прежнему в одиночестве отправляла отчеты в Атланту. Никакого вспомогательного персонала мне не прислали.

Я стала называть эту болезнь ногалесским органическим заболеванием крови, сокращенно – НОЗК. И попросила шерифа Уилсона добавить к своей ориентировке на Лизу Соул

сообщение о том, что Центр ПКЗ хотел бы получать любую информацию по этому делу, а также данные о похожих случаях, поскольку, возможно, именно это заболевание стало причиной странного состояния подозреваемой.

Однако я все еще не могла добиться от моего руководства в ПКЗ публичного предупреждения о возможной эпидемии. В этом случае ФБР и другие федеральные правоохранительные организации должны были незамедлительно сообщить об угрозе распространения заболевания, а также распространить информацию о Лизе. Информацию нужно было разослать представителям правоохранительных органов по всей стране. Я не утверждаю, что это могло бы остановить НОЗК, но серьезно повлияло бы на распространение болезни, прежде чем она стала национальной угрозой.

Это могло бы спасти очень много жизней.

Примерно через месяц после происшествия с Лизой Соул доктор Гомес взял отпуск за свой счет в департаменте здравоохранения Ногалеса, чтобы помочь мне в моем расследовании. За свои деньги он сопровождал меня в поездках по разным городам юго-запада страны в поисках заболевших, а также внезапно пробудившихся и пропавших трупов. Вскоре он стал ездить вместе со мной на автомобиле, который я арендовала за государственный счет, и оказывать мне большую помощь в поисках пораженных вирусом людей. К тому же теперь я была не одна.

Сначала мы пытались отыскать Лизу, а также признаки заболевания в Аризоне. Это было похоже на спонтанное путешествие двух друзей-студентов в маленьком автомобиле, куда с трудом помещались все наши вещи. Не хватало только ведерка со льдом для охлаждения дешевого пива. Все городишки казались одинаковыми, наше досье разрасталось, места для одежды становилось все меньше. До следующего мотеля оставалось всего десять миль, а мне уже не терпелось поскорее доехать.

Я так устала, что смогла лишь бросить сумки на пол и взглянуть на помятое покрывало кровати. Доктор Гомес – Гектор – давно уже израсходовал свой бюджет и теперь спал на полу в моем номере. Он сел на пол и, взбив свою тонкую подушку, прислонил ее к ободранному обоям на стене. Мне было обидно, что Ногалес не оплачивает его исследования и ему приходится тратить собственные сбережения. Он, как и я, стремился разобраться в назревавшем кризисе, только ему приходилось терпеть намного больше лишений.

Я видела, какое неудобство он испытывал, стараясь устроиться на жестком полу.

– Послушайте, доктор Гомес, – сказала я, и он поднял на меня свои усталые глаза.

– Что случилось, доктор Скотт?

Я наклонила голову с кровати.

– Во-первых, почему бы мне не называть вас Гектором, а вам меня – Лорен? Во-вторых, вы ужасно смотрите на этом полу. Может, вам тоже лечь спать в кровати? Здесь хватит места для нас обоих, и я теперь уверена, что могу вам доверять. А если нет, то у меня хватит сил от вас отбиться. Можете не сомневаться.

На мгновение он уставился на меня с таким видом, словно ему и не особенно хотелось вставать с пола. Возможно, он был из тех аскетов, которые не привыкли делать себе поблажек и отказываются от любого комфорта.

Но затем Гектор, не проронив ни слова, поднялся и плюхнулся на мягкий матрас. Он лег на бок и вцепился в свою подушку, как в спасательный круг. Вскоре он уснул. Я подвинулась на другой край кровати и через несколько минут уснула без задних ног прямо в одежде.

За месяц мы обнаружили восемь официально умерших от потери крови и десять пропавших без вести. Пропавшие люди вызывали больше всего вопросов в ходе расследования. Я не могла придумать правдоподобного обоснования исчезновению людей, вступавших в контакт с Лизой Соул. Если они подхватывали от нее вирус, разве они не должны были в скором

времени умереть? Может, она похищала их? Или они добровольно следовали за ней? А может, она убивала и закапывала их тела в каких-нибудь пустынных местах?

Но затем Лиза Соул совершила ошибку, перестав быть всего лишь мифом. И вся наша работа по рассылке информационных сообщений оказалась не напрасной.

На тот момент у нас уже было семь трупов, у которых после вскрытия обнаруживалась значительная потеря крови. Складывалось впечатление, что вся кровь была выкачана, а та, что осталась – запеклась внутри тела. Поэтому мы могли вскрыть тела, но нам не удавалось обнаружить такой важный для исследования аспект, как кровь, и сравнить ее с образцами, взятыми у на тот момент еще мертвой Лизы Соул.

Потом нам позвонили из полицейского департамента Эль-Пасо. На границе с мексиканским городом Сьюдад-Хуарес было обнаружено восьмое тело. Офицер полиции патрулировал территорию на своем автомобиле и в переулке позади заброшенного склада заметил человека, который сидел на корточках рядом с лежащим на земле телом. Офицер осветил их фарами машины. Сидевший вскочил и бросился бежать со всех ног. Полицейский был потрясен тем, с какой скоростью бежал этот человек.

Офицер приблизился к лежащему на земле: это был мужчина, у него из раны на шее вытекала кровь. Мужчина умер, не дождавшись приезда «Скорой», но в морге судмедэксперт вспомнил о сообщении, полученном из полицейского департамента в Ногалесе. Когда мы приехали, Гектор убедил судмедэксперта, когда-то учившегося с ним в медицинской школе, разрешить ему присутствовать на вскрытии. На основании состояния тела и его внутренних органов он сделал вывод, что, возможно, умерший подвергся действию того же вируса, что и Лиза Соул, но по каким-то причинам организм не смог справиться с физическими изменениями.

Разумеется, мы до сих пор так и не выяснили, как Лизе Соул удавалось быть переносчицей вируса и при этом не подвергаться действию заболевания. Речь ведь шла о болезни с уровнем смертности в 50, если не более, процентов! Болезни, из-за которой одни тела исчезали, а другие возвращались к жизни после клинической смерти. Болезни, в результате которой тела заболевших полностью теряли кровь.

Мы с доктором Гомесом были так заняты поиском тел, что у меня не хватало времени вести статистику. Все данные о посещении каждого из городков хаотично заносились в мой айпад и блокноты «Молескин», но в своих записях я на несколько недель отставала от текущего положения дел. (Я не пытаюсь оправдываться, а просто констатирую факты.)

Потом, наконец-то, в Эль-Пасо нам улыбнулась удача.

Мы настигли Лизу Соул.

Мы с доктором Гомесом решили перекусить чем-нибудь из техасско-мексиканской кухни. В Интернете мы нашли рекомендации на местечко под названием «Эль капитан». «Ничего лучше вы не найдете!» – говорилось там. Разумеется, мне пришлось пустить в ход всю силу своего убеждения, чтобы вытащить из номера Гектора, который с монашеским усердием полностью посвящал себя поискам следов Лизы Соул.

– Там хорошая мексиканская еда, – сказала я, открывая дверь нашего номера.

– У меня работа, – возразил он.

Я посмотрела на разбросанные вокруг него бумаги. Теперь у Гектора отросла густая борода, и он потерял около десяти фунтов веса с момента начала нашего путешествия. Он сидел на полу в трусах-боксерах и вылинявшей футболке.

– Ты опять доверишь свой желудок «Молочной королеве» или «Макдональдсу»? А может, в автомате с продуктами появилось новое меню? – Я приложила все усилия, чтобы придать себе грозный вид: сложила руки на груди и старалась подражать желчному тону своей матери. – Я серьезно: живо надевай свою гребаную одежду, и пойдем в мексиканский ресторан!

Он смерил меня взглядом.

Затем встал, подошел к кровати и взял брюки.

Вскоре мы уже сидели за столиком в углу, потягивали «маргариту» и закусывали чипсами с солью. Ресторан был довольно старый и изрядно обветшалый. Красные лампы на потолке отбрасывали зловещие отблески на наш столик. Видавщие виды виниловые сиденья пестрели трещинами. Мы сидели молча, погруженные в свои мысли, поглощая жирные чипсы и запивая их коктейлями. Мой телефон зажужжал, и я ответила после второго звонка. Не успела я произнести и слова, как услышала:

– Где ты была? – это оказалась Дженнифер. Мне следовало посмотреть на номер звонившего. Судя по ее голосу, я почувствовала, что она попытается найти тему для разговора.

– Я в дороге, – ответила я. Мое раздражение улетучилось сразу, как только я услышала ее хриловатый голос. Мы так долго не виделись...

– Все еще ищешь тот микроб?

– Вирус, – поправила я ее. – А в чем дело? – спросила я, хотя уже знала ответ.

– Ну... в этом месяце я на мели, и вот я подумала...

– Что было в этом месяце? Музыкальный фестиваль?

На другом конце повисла пауза.

– Вроде того. Ты же знаешь.

– Хорошо. Пришлю тебе пятьсот баксов.

Я услышала вздох.

– Спасибо! И позвони папе. Он вечно жалуется, мол, знать не знает, где ты.

– Позвоню, – ответила я. Когда она отключилась, я пожалела, что не звонила ей чаще.

Мне о многом хотелось ее расспросить, но постоянно не хватало времени.

Гектор посмотрел на меня, но ничего не спросил. А я промолчала.

– Интересно, когда нам позвонят по поводу очередного тела? – сказал, наконец, он.

Я задумалась, смакуя один особенно просоленный чипс.

– Если сохранится прежняя схема... то, возможно, через пару дней. Знаешь, это уже превращается в рутину. – Я усмехнулась про себя. Мой отец пришел бы в ужас, видя, как я сижу и размышляю вместо того, чтобы нормально поесть.

– Согласен.

– Как думаешь, где это произойдет?

– Кто знает? Это может случиться где угодно, – пожал плечами Гектор.

Мысли путались у меня в голове.

– Не где угодно, а в конкретном месте. Это должно где-то произойти. Я хочу сказать, что во всем этом имеется определенная схема. И мы должны попытаться ее нащупать.

Гектор как будто не замечал свою тарелку с энчиладой и рассеянно постукивал вилок по столу.

– Она не могла далеко уехать из последнего городка. Возможно, она путешествует авто-стопом или передвигается каким-то другим способом. И спаси нас Бог, если у нее своя машина.

– Вот именно. Думаю, мы можем с полной уверенностью сказать, что в Эль-Пасо ее больше нет, – заявила я и откусила немного флауты. Жир потек у меня по подбородку. Райский вкус!

– Нам нужна карта, – сказал он.

Мы одновременно инстинктивно потянулись к мобильным телефонам, чтобы проверить Гугл-карты.

– Она явно не поедет в Мексику, иначе бы сразу отправилась туда из Ногалеса, – сказала я. – Думаю, она останется на Юго-западе.

– Будет держаться местечек, находящихся недалеко от крупных трасс. У нее нет особого выбора. Карлсбад, Лас-Крусес, Ван-Хорн. В одном из них. Но в каком?

На минуту я задумалась и отхлебнула из второго бокала «маргариты». Я вспомнила, как проводили инвентаризацию в квартире Лизы Соул. Бумаги, чеки, записные книжки... Файлы в ее компьютере.

– Она же художница! – хлопнула я рукой по столу. – Или, по крайней мере, интересуется искусством.

Доктор Гомес бросил на меня косой взгляд.

– И что?

Я наклонилась над столом поближе к Гектору:

– Послушай. Она поедет в город или в район, который либо кажется ей знакомым, либо чем-то ей интересен... возможно, там есть люди, с которыми ей хотелось бы встретиться. Я нашла у нее на холодильнике список дел, которые она собиралась сделать. И там, среди прочего, была указана поездка в художественную галерею в городе Марфа в Техасе.

– Хм, как-то не слишком убедительно. – Гектор посмотрел на карту на экране своего телефона и стал водить пальцем в направлении разных городов, окружавших Эль-Пасо. Покачивая головой, он откусил почти половину энчилады. – Но, черт возьми, это, кажется, самый простой способ найти ее, приложив минимум усилий. Город находится рядом с шоссе, но это не магистральная трасса, поэтому у нее есть шанс остаться незамеченной.

Гектор поднял глаза, и наши взгляды на мгновение встретились.

На восходе солнца мы добрались до «Марфа мотор Инн». Мотель был такой дешевый, что доктор Гомес смог позволить себе отдельный номер. Мы решили немного вздремнуть до полудня, а затем приступить к работе. И, конечно, полдень для нас наступил в три часа дня. Сердито бормоча себе под нос, я постучала в соседнюю дверь. Гомес открыл с сонным видом.

– Послушай, нам пора заняться делом.

Гектор кивнул.

– Знаю. Извини. Но мне нужно было выспаться. Тебе, думаю, тоже.

После этого мы заехали в офис местного шерифа – Лэнгстона Ламара. Познакомившись, мы обсудили текущую ситуацию. Шерифу было явно больше сорока, и он был сложен как футбольный полузащитник. По его словам, в последние пару месяцев в городе не произошло ничего подозрительного, никаких нападений с телесными повреждениями, только пара пьяных драк. Он сказал, что у него не было человеческих ресурсов, которые он мог бы выделить нам для расследования, но заверил, что в случае чего отнесется к произошедшему с должной серьезностью. Также он оставил нам свой номер телефона.

Вернувшись в отель, мы обсудили перспективу на вечер. Гектор нашел свой телефон.

– Итак, сегодня в городе проходит художественная выставка, выступление кантри-группы и пара вечерних мероприятий в центре города, – сказал он.

– Думаю, нужно начать с художественной галереи. А затем, если успеем, посетить остальные мероприятия. Она может быть на любом из них.

Мы быстренько переоделись, хотя у нас и не было ничего такого особенного из одежды для посещения культурных мероприятий. Пришлось довольствоваться джинсами и толстовками. На всякий случай я положила в контейнер защитный костюм. Вечерняя прохлада освежила нас, когда мы направились по главной улице к галерее «Хай-Таймс», построенной в прошлом веке на месте старой парковки, которую теперь оккупировали обожающие современное искусство хипстеры. Солнце уже зашло, и в галерее было полно народа – я готова была поклясться, что людей здесь собралось раза в два больше, чем во всем городе. Посетители щеголяли своими бородами, фланелевыми рубашками и черными нарядами – эдакий ковбойский шик. Они крутили в руках стаканы с напитками и совершенно не обращали внимания на картины, развешенные по стенам.

Мы с Гектором старались держаться у входа. Время от времени мы посматривали на фотографию Лизы Соул у нас на телефонах, чтобы напомнить себе, как она выглядит. Я чувствовала, что мы на верном пути. Мы обязательно найдем ее в этом городе, в этом месте. Но после часа ожиданий и трех бокалов вина я начала терять надежду. Я взглянула на Гектора. Вероятно, он тоже начал сомневаться. Я заметила, что он рассматривает людей и картины, почти не обращая внимания на входную дверь. Да, он уже не пытался скрыть своего разочарования... Неужели мы совершили ошибку? Какого черта я все еще не отказалась от этой сумасбродной затеи?..

В зал вошла одинокая женщина.

На ней были светло-голубые рваные джинсы «левис», плотно облегающие бедра и ноги, и черная водолазка. Казалось, ей было все равно, что в Техасе никто не носит такие водолазки. Потрепанная бежевая ковбойская шляпа идеально подходила к цвету ее кожи – она словно сняла ее с головы своего любовника, пока тот лежал в кровати. Образ дополняли старые поношенные черные ботинки панк-рокерши. Она чем-то напоминала Патти Смит, выступавшую перед отелем «Челси» в семьдесят третьем году и обвинявшую общество в том, что оно не соответствовало ее представлениям. Шляпа, надвинутая почти на нос, скрывала лицо. Она сразу же привлекла мое внимание, и я заметила, что и остальные посетители галереи тоже не могли оторвать от нее глаз.

Она умела обратить на себя внимание. Я вздрогнула, почувствовав, как по спине пробежал холодок. Сладковатый запах ударил в нос, и самые разные мысли тут же закрутились у меня в голове. Это как во время автомобильной аварии, когда вся твоя жизнь пробегает перед глазами, словно на кинолентке: образы сменяют друг друга так быстро, что ты не успеваешь осознать происходящее. Меня это расстроило.

В этой женщине чувствовался магнетизм, который невозможно описать словами.

Она была само искушение во плоти.

Спокойным шагом она проследовала вдоль ближайшей стены с висевшими на ней картинами. Женщина не пыталась установить с кем-либо зрительный контакт, но ее глаза рассматривали из-под шляпы посетителей выставки, словно выбирая себе жертву. Я посмотрела на Гектора – тот стоял как парализованный. Вид у него был такой, словно он хотел проглотить ее.

– Сделай фото себе на память. – Я ткнула его локтем под ребра.

Он подпрыгнул от неожиданности.

– Черт! Извини. Просто девушка хорошенькая. Хоть и не могу рассмотреть ее лицо.

Не знаю, может, дело было в шляпе, или в лице, или в том, что шляпа скрывала ее лицо, или просто сработала интуиция. Но все сошлось. Она не была точной копией фотографии Лизы Соул у меня в телефоне, девушка в галерее выглядела изящнее, но я почувствовала, что мое сердце начинает биться все чаще и чаще.

Я наклонилась к Гектору:

– Мне кажется, это она.

Он внимательно посмотрел на меня.

– Ты о ней? – Он поднял руку, чтобы указать на девушку, но я одернула его.

– Хорошенько посмотри на фотографию. На нос и то, что ниже.

Гектор включил экран своего телефона, долго разглядывал его, а затем наклонился ко мне:

– Твою ж мать.

Я все еще пребывала в растерянности, но постаралась собраться.

– Я останусь здесь. А ты выйди на улицу и позвони шерифу.

– Уверена?

– Да она это! Сто процентов.

– Нет, ты уверена, что хочешь остаться здесь, а не подождать снаружи?

Я смерила его пристальным взглядом. Он вышел, чтобы связаться с шерифом.

С дотошностью профессионала женщина рассматривала картину, на которой была изображена белая птица, сидящая на дубе, корни которого расплзались в разные стороны под землей. Я так увлеклась попыткой понять, что же такого интересного она нашла в этой картине... что не заметила, как она обернулась.

Она смотрела на меня.

От неожиданности у меня перехватило дыхание, хотя я находилась в другой части зала. Мне хотелось лишь одного – заглянуть ей в глаза. Она словно поняла, почему я здесь и что я ищу ее.

Она двигалась, как кошка. Не успела я опомниться, как она направилась ко мне. Я попятилась, но она вдруг изменила направление, устремившись вглубь галереи, в служебное помещение.

К этому времени галерея почти опустела: не осталось никого, кроме небольшой кучки запоздалых посетителей, убеждавших бармена снова открыть для них бар. Я позвала Гектора и бросилась за Лизой Соул. Я уже схватилась за ручку двери от кладовки, когда она вдруг резко распахнулась и сбила меня с ног. Лиза кинулась на меня, но в эту минуту в галерею ворвался шериф Ламар с пистолетом-электрошокером в руке. Он приказал ей остановиться, и она на минуту замерла, обнажив в оскале зубы, как дикий зверь, а затем побежала к выходу из галереи.

Она была уже в дверях, когда шериф во второй раз велел ей остановиться. К моему удивлению, она послушалась, снова оскалила зубы, а затем рванулась, попытавшись выскочить за дверь.

Провода электрошокера коснулись ее спины в тот момент, когда Гектор схватил ее за талию. Одним резким движением она освободилась от хватки Гектора и впившихся в ее спину дротоиков на концах проводов, однако на выходе из галереи ее схватили трое помощников шерифа.

Лиза брыкалась и царапалась, но они быстро надели на ее запястья наручники. Шериф приказал принести оковы для ног, но она ударила его каблуком по лицу. Внезапно Лиза вскочила. Цепочка, соединявшая наручники, разорвалась, словно была сделана из бумаги. Лиза бросилась на проезжую часть, где ее сбил ехавший навстречу грузовик.

Она отлетела в сторону под визг тормозов, воздух наполнился дымом и запахом паленой резины.

Мы все в шоке наблюдали за происходящим.

– Вот вам и обычный рабочий день, – проворчал один из помощников шерифа.

* * *

– Вы везете ее в тюрьму? – спросила я.

– Нет, милочка, я думаю отвезти ее обратно в галерею.

Опять этот бред!

– Я имела в виду...

– Я знаю, что вы имели в виду, – перебил меня шериф Ламар. – У нас в участке есть изолятор для временного содержания. Посидит там, пока мы не переведем ее в Элпайн, там более подходящая для нее тюрьма, а может – в Эль-Пасо. Уверен, что совсем скоро за ней пришлют кого-нибудь из Аризоны,

– Не возражаете, если я поеду с вами? Я должна удостовериться, что риска заражения каким-либо вирусом нет.

Шериф пожал плечами.

– Вы сами начали это шоу. Можете его продолжать.

Поездка до участка заняла около пары минут. Я расположилась на переднем сиденье полицейской машины, а Лиза Соул находилась сзади за решеткой. Когда я оглянулась и посмотрела на нее, она уставилась на меня своими ярко-голубыми глазами, сверкавшими на фоне бледной кожи. Ее губы были ярко-красными, и в темноте машины, когда она шевелилась, мне казалось, что ее тело то исчезало во мраке, то появлялось снова.

Лиза позволила помощникам шерифа отвести ее в полицейский участок. Она не пыталась сопротивляться, не проявляла агрессии. Ее поместили в маленькую камеру с зарешеченной дверью – совсем как в вестернах. Вероятно, шериф Ламар заметил мое удивление.

– Настоящая кованая сталь, – сказал он. – Таких надежных больше уже не делают.

Мне хотелось верить, что он говорил правду. Из окна напротив камеры лился лунный свет.

Годы спустя, когда я подробно отчитывалась перед различными федеральными агентами, я часто пыталась проанализировать свои воспоминания. Например, я не знаю, как долго я наблюдала за Лизой в камере, или в какой момент ко мне присоединился Гектор, но у меня сложилось впечатление, что я несколько часов не могла отвести от нее взгляда, Лиза молча смотрела на нас. В движениях ее глаз было что-то гипнотическое. В каждом ее жесте была какая-то особая грация, ускользающая легкость.

В эти минуты и часы меня не покидало чувство полнейшего отчаяния. Но я должна была побороть в себе эти вспышки неуверенности, я чувствовала, что обязана понять это создание, несмотря на свой страх. Я понимала, что тюремные решетки – лишь занавес, который Лиза легко могла отодвинуть в сторону одним движением руки. Прошел час, возможно, больше.

– Как вы себя чувствуете? – спросила я хриплым голосом.

Тишина.

Затем:

– Я чувствую себя потрясающе.

Я не ожидала, что подобный ответ можно произнести с таким равнодушным лицом.

– Я спросила, потому что, по моему мнению, ваш организм заражен новым типом вируса, и у вас уже начали проявляться симптомы.

Молчание.

Больше она не сказала мне ни слова.

Даже сейчас я все еще вспоминаю то ощущение – будто кто-то пытается прочитать мои мысли, заглянуть в мое сознание. Как мы теперь знаем, ногалесское органическое заболевание крови поражает каждую жертву, или реципиента, с помощью ранее неизвестного вируса, который прикрепляется к специфическим рецепторам клеточной поверхности вроде лектина С-типа, мембранного белка DC-SIGN или интегринов. Затем благодаря синтезу вирусной оболочки с клеточной мембраной, вирус проникает внутрь. Но даже у вирионов есть разум. Поэтому они способны проникать на клеточном уровне в сознание пораженных вирусом людей.

Но той ночью я, а затем и Гектор с удивлением наблюдали за ней через решетку. В конце концов, шериф Ламар увел нас. В скором времени должны были приехать представители ФБР и федеральные приставы, чтобы увезти ее в Аризону, и шериф предложил нам немного вздремнуть в его офисе.

Не знаю, как долго я спала. Мне снилось, что люди бросали в меня камни за то, что я проспала занятия в школе, забыла все ответы, выступая на медицинском совете, не послала маме открытку на день рождения и не одолжила сестре пять долларов.

Меня разбудил самый злобный вопль, какой мне только приходилось слышать. Звериный, животный, как будто из второсортного фантастического фильма.

Лиза Соул сидела в углу своей камеры и кричала: от ее рук и лица шел дым. Неужели они... горели? Кожа на лице почти сползла. Сначала я подумала, что это какой-то дерматит или экзема, вызванные осложнением из-за болезни крови, но затем вспомнила про окно, которое находилось напротив камеры...

– Это от солнца, – прошептала я Гектору.

Принимая во внимание мои полномочия, федералы любезно разрешили мне полететь вместе с ними на вертолете. Гектор сказал, что будет ждать меня в больнице.

Путь до университетского медицинского центра был слишком уж длинным. Лиза кричала как запертое в клетку животное в течение всего полета, а когда мы приземлились на крыше больницы, врач распорядился вколоть ей успокоительное, пока сестры везли ее на каталке под лучами солнца.

Лиза продолжала кричать.

Когда рядом с отделением карантина я встретила с доктором Дженкинс – специалистом по ожогам – она только раздраженно пожала плечами.

– Понятия не имею, что это такое. Ее кровь обладает странными свойствами, но это не моя сфера. Похоже, у нее проявилась сильная аллергическая реакция на воздействие солнца, но для уточнения необходимо провести молекулярную диагностику.

– Ей уже лучше?

– Ее состояние стабилизировалось. Мы поместили ее в палату без окон со щадящим освещением. Разумеется, присутствие полиции не способствует разрядке обстановки, но сейчас она проходит интенсивную терапию. Нам остается только ждать.

Я пожала плечами.

– Мне нужен образец ее крови.

– Мы предоставим вам его.

Когда я села в кафетерии, чтобы позвонить в Техасский университет в Эль-Пасо насчет проведения анализов, в окно я увидела репортеров и операторов, спускавшихся со ступенек. Мой телефон зажужжал, извещая о получении целого шквала электронных писем: за последние несколько дней резко возросло количество тел с похожими круглыми ранами на шее. Судя по всему, Центр по контролю и профилактике заболеваемости наконец-то сосредоточил свое внимание на вирусе НОЗК.

Но это не означало, что все мои старания были оценены по достоинству и вознаграждены. Данные моих исследований подверглись детальному рассмотрению и обсуждению. Некоторые ученые настаивали на том, что следы укусов на самом деле были отметинами от иглки шприца. Другие – что никакого нового вируса не существовало, что состояние пострадавших было результатом стечения обстоятельств, а раны получены вследствие различных нападений. Третьи считали, что действие вируса имело настолько ограниченное распространение, что его изучение не требовало особых расходов и финансирования.

Я допивала уже третью чашку кофе, когда Гектор, шаркая ногами, вошел в кафетерий. Выглядел он еще хуже меня. Мой телефон зажужжал, я посмотрела на экран – очередное сообщение. На этот раз от моего руководителя в ПКЗ. Я прочитала его три раза подряд, прежде чем Гектор добрался до стола.

Он тяжело опустился на пластиковый стул напротив меня.

– И каков вердикт?

Мне хотелось рассмеяться. Это письмо словно подтверждало мои безумные мысли. Я не знала, хорошо это или плохо, но была уверена, что это навсегда изменит мою жизнь.

Так и случилось. Отец любил говорить: «Я бы уже давно смог вырваться вперед, если бы перестал отставать». Я часто думала об этом в те годы, когда искала вакцину от ногалесского органического заболевания крови. Мы так и не узнаем, как и почему Лиза Соул оказалась в том

массовом захоронении на границе. Никому не известно, куда подевались тела или кто забрал их. Но я всегда подозревала, что их каким-то образом возродили. И хотя многие обвиняют меня в том, что моя работа неэтична, я считаю, что она была и до сих пор остается очень важной.

В тот день в кафетерии больницы я лишь грустно улыбнулась на вопрос Гектора.

Я передала ему мой телефон, чтобы он тоже мог прочитать письмо.

– Кажется, мы нашли первого вампира, – сказала я.

* * *

Я должна была еще раз увидеть Лизу Соул, прежде чем вернуться в Атланту. Мне хотелось проверить ее состояние и понаблюдать за ней, но еще больше я хотела проверить, смогу ли заглянуть ей в глаза и побеседовать с ней так, чтобы не повредиться при этом рассудком. Мне, как ученому, нужно было провести больше времени с пациенткой – самым главным носителем вируса.

Я поднялась на лифте на третий этаж, но когда открыла дверь, по коридору эхом прокатился вопль и ужасный грохот. Я стала протискиваться сквозь поток людей, убежавших от развернувшейся на этаже драмы. Добравшись до палаты, я увидела, как Лиза Соул кинулась на закрытое окно и вылетела через него – вместе с градом осколков стекла – на тротуар внизу.

Думаю, мне повезло, что я оказалась здесь через несколько мгновений после захода солнца. Потому что именно в этот момент Лиза Соул освободилась из смиренной рубашки, убила двух федеральных агентов и одну медсестру, после чего разбила окно и, не проронив ни звука, выпрыгнула с третьего этажа.

С тех пор ее никто не видел, и она до сих пор числится среди особо разыскиваемых преступников в списках ФБР.

Зато у меня был образец ее крови.

«Бостон Геральд». 19 июля³: Сегодня рано утром на юго-западе исторического района произошло ограбление в «Эллисон корпорейшн» – независимой компании-дистрибьютере золота. Были похищены золотые слитки на общую сумму 5 миллионов долларов. «Эллисон корпорейшн» торговала и другими драгоценными металлами, но они в основном хранились на первом этаже, и только золото находилось в подвале. ФБР установило, что система наблюдения в здании была выведена из строя, другие камеры наблюдения на прилегающих улицах также не работали, поэтому записи с места преступления получить не удалось. Двое охранников были нейтрализованы неизвестным методом, оба находились без сознания. ФБР не располагает никакими данными о возможных виновниках преступления.

³ Страница 2, раздел новостей

Глава 2

Отец Джон Рейли *Католический священник, иезуит*

Директива Министерства обороны

ТЕМА: Допрос отца Джона Рейли, проводимый группой по допросу особо важных задержанных.

Арестованный был задержан в ВЫМАРАНО агентами Федерального бюро расследований. Арестованного доставили в изолятор временного содержания в ВЫМАРАНО. Четыре дня спустя его допросили представители группы для допросов особо важных задержанных.

Перед допросом с заключенным не оговаривались особые условия его проведения.

Расшифровка допроса по видеозаписи.

Допрос ведет молодой человек в тренировочных штанах «Гуччи», золотистой куртке-бомбере и черной бейсболке. Он курит сигарету и в перерывах между затяжками энергично жует жвачку.

Допрашиваемый – мужчина тридцати с небольшим лет – не проявляет никаких признаков волнения.

Дознаватель: Вам ничего не нужно? Может быть, хотите кофе? Скажите, если во время допроса вам понадобится выйти в туалет. Мы не собираемся вас пытаться, топить и тому подобное. Это не самое веселое занятие, правда? *Пауза. Громче:* Обратите внимание, что допрашиваемый отрицательно покачал головой.

Дознаватель пьет воду.

Отец Рейли: Вообще-то, если вам особо нечем заняться, можете завести от моего имени страничку на GoFundMe⁴. Напишите что-нибудь вроде: «Спасите меня от пыток американских правительственных агентов!»

Дознаватель: Очень смешно. Так как вы себя чувствуете?

Отец Рейли: Скажем так, если в каждой шекспировской трагедии обычно бывает по пять актов, то сейчас я как раз нахожусь в пятом. Раньше я думал, что в пьесах Шекспира даже больше божественного, чем в Библии, но потом понял, что его произведения просто лучше написаны.

Дознаватель хлопает в ладоши.

Дознаватель: Целиком и полностью согласен с вами. Итак, ваша проблема заключается в том, что вы были арестованы за пределами Америки. А значит, на вас распространяется действие экстерриториальных мер. Позвольте вам все объяснить. Эти люди, которые стоят и сидят перед вами – представители группы для допросов особо важных заключенных. Они продумали план нашего допроса. Это их работа. Я приведу этот план в действие. Это уже моя работа.

Отец Рейли: Разве мне не должны зачитать мои права? Хотя бы для видимости.

⁴ Американская краудфандинговая интернет-платформа, позволяющая собирать средства на личные нужды. – *Примеч. пер.*

Дознаватель: В связи с экстренными обстоятельствами мы вынуждены пойти на крайние меры и в целях «общественной безопасности» сделать исключение для применения правила Миранды. Члены оперативной группы пока не решили, стоит ли присваивать вам статус «участника боевых действий на стороне противника». Я могу преподать вам краткий урок истории. Согласно Женевской конвенции...

Отец Рейли: Да, да. Я все это знаю.

Дознаватель: Значит, как я понимаю, этот вариант вас не устраивает? Верно? *Пауза.* Хорошо. Еще раз обратите внимание, что допрашиваемый кивнул в знак согласия. Почему бы вам не начать свой рассказ о том, как вы пришли к решению стать священником?

Отец Рейли: Ну ладно. Хорошо. В детстве я как-то не задумывался о том, чтобы стать священником. Город мой был довольно маленьким, провинциальным, по крайней мере, с точки зрения подростка. «В этих местах люди по-прежнему с удивлением указывают пальцем на летящий в небе самолет», – любила говорить моя сестра, пока не уехала учиться в колледж. А еще в таких местах дорогу объясняют, используя местные ориентиры: «Поверните направо у третьего ресторана «Оливковая роща», потом налево около «Красного лобстера». Ну, вы меня понимаете.

Мои родители были католиками, но никогда не заставляли нас проявлять особую религиозность. Разумеется, мы должны были пройти таинство крещения и миропомазания, но, по большому счету, родителям было достаточно того, что нас ни разу не арестовывали и мы не употребляли наркотиков.

В детстве у меня не было друзей. Знаю, немного странно, что я вот так легко говорю об этом. Но это правда. Буквально. Никаких друзей. Я не страдал, как сейчас говорят, аутизмом, но в детские годы мне часто ставили диагноз одиночки. Я много времени проводил в приемных поликлиник, где пахло лекарствами, стояли жесткие диваны и играла старомодная музыка. Отвечал на разные вопросы, сидел на смотровой кушетке, покрытой тонкой помятой простыней. А потом наблюдал, как доктор объяснял диагноз моей матери, а та кивала в знак согласия.

Мне диагностировали «явную отрешенность от социального взаимодействия» с кем-либо, кроме членов моей семьи. А также «ограниченный спектр проявления эмоций в межличностном общении». Проще говоря, я ненавидел людей поодиночке и всех вместе.

Дознаватель: Знаете, на какой-нибудь вечеринке я бы назвал вашу историю весьма душещипательной.

Отец Рейли: Не переживайте. Я придумывал себе на редкость богатый фантастический мир. Я мог сидеть на тропинке перед домом с журналами комиксов и представлять себе, что превращаюсь в супергероя, которым хотел быть. Или лежать на спине во дворе, считать звезды и мысленно улетать в космос. Мне это нравилось – быть одному.

Я никогда не переживал за себя, возможно, благодаря моему отцу. У него была непростая жизнь, и это во многом определяло атмосферу в нашей семье.

Дознаватель: Что вы имеете в виду?

Отец Рейли: Он родился с огромной челюстью и выдающимися надбровными дугами. Это произошло вследствие акромегалии – болезни, в результате которой передняя доля гипофиза производит избыток гормона роста. Своего рода гигантизм. Это проявлялось не только в необычном агрессивном выражении лица, но и в чрезвычайно высоком росте. Отцу невоз-

можно было затеряться в толпе. В результате это вылилось в низкую самооценку, отравлявшую всю его жизнь. Многие годы я этого не понимал. В детстве он был для меня *моим большим папой*. Но, став старше, я осознал, что любая необходимость покинуть дом становилась для него стрессом. Даже простой поход в продуктовый магазин или на бейсбольный матч наполнял наш дом волнением задолго до и после означенного события. Он находил утешение, работая в гараже или играя на заднем дворе нашего дома, окруженного высоким забором.

Когда же речь заходила о религии, отец проявлял почти монашеское рвение. Вероятно, он надеялся, что молитва исцелит его от недугов, а возможно, предпочитал проводить дни в церкви или дома, чтобы как можно реже бывать на людях. Он откладывал деньги, чтобы совершить паломничество в монастырь во Франции. Отец был уверен, что там он вылечится. Он брал меня с собой, когда ездил по окрестностям и собирал металлолом и всякий хлам. Даже в сильную жару мы разбирали коробки и мешки с мусором. Грязь покрывала наши руки, мы кашляли от запаха гниения.

Мы брали все, что могли найти, и каждую субботу устраивали гаражную распродажу. Соседи, в конце концов, стали нас презирать, но проявляли к нам доброту – или просто жалели отца – и не заявляли на нас в полицию. Отцу потребовалось очень много времени, чтобы собрать деньги на паломничество. И все равно ему пришлось продать свой грузовик.

Итак, теплым июньским днем мы все сели в самолет, который доставил нас во Францию. Если точнее, то в Рокамадур – город на юго-западе страны, где находилась часовня святой Девы Марии. Часовня Богоматери Рокамадура.

Церковь и часовня находились высоко на скале. Базилика была возведена прямо над обрывом, возвышаясь над рекой Альзу – притоком реки Дордонь. Мы остановились в хостеле в деревне Л'Оспитале неподалеку от Рокамадура. На следующее утро с восходом солнца мы отправились в путь по главной улице деревни, а оттуда вышли к площади Каретта. Отец остановился у лестницы, ведущей в часовню.

Дознаватель: Вы замолчали. На этом все?

Отец Рейли: Нет. Мне трудно рассказывать дальше.

Наконец, отец сказал:

– Идите вперед.

– Что это значит? – спросила мама. – Что ты собираешься делать? – Я до сих пор вижу ее перепуганное лицо.

– Я буду подниматься по лестнице вслед за вами, но делать это буду на коленях, непрерывно читая молитвы.

Я, моя мама и сестра посмотрели на него как на человека, потерявшего рассудок.

– Ричард, – сказала мама. – Ты не сможешь! Здесь не меньше пятисот ступеней. У тебя не хватит сил, да к тому же в такую-то жару!

– Я сделаю это, – возразил он. Он не собирался сдаваться, даже если бы это закончилось для него больницей.

Тогда мама попыталась облегчить его положение. Она повернулась ко мне:

– Джонни, идите с сестрой в магазин. Купите там воды и каких-нибудь легких закусок.

Нельзя допустить, чтобы ваш отец страдал от обезвоживания.

Смотреть на все это было тяжело, но, без сомнения, отцу пришлось еще тяжелее. При каждом шаге, который он совершал на коленях, неровные выступы гранита впивались ему в кожу и отдавались болью во всем теле. Каждую ступень он преодолевал с отчаянием и готовностью нести возложенную на себя епитимью. Дважды он весь сгибался, как будто еще чуть-чуть, и он упадет и покатится вниз по ступеням, и мы бросались к нему, чтобы поддержать. Мама не просила его прекратить, но после первых ста ступеней я был уверен, что он не поднимется

наверх. Я видел, как кровь начала проступать сквозь ткань его брюк на коленях. Его огромное лицо было искажено мучительным страданием. Он дугой выгибал позвоночник, чтобы немного облегчить боль в затекшей спине.

Но продолжал взбираться наверх.

Дознаватель: И у него получилось?

Отец Рейли: Не знаю, был ли в этом божий промысел, но что-то помогло ему подняться наверх. По пути нам встретилось четырнадцать кальварий⁵, а сверху на нас смотрел крест Тевтонского ордена. После каждых десяти ступеней руку отца, сжимавшую четки, словно сводила судорога, и она напоминала изломанную ветвь дерева после удара молнии. Он полз на четвереньках, его рубашка и брюки были пропитаны потом.

Последнюю ступеньку он преодолел с легким стоном – и это был единственный звук, который я услышал от него за все время подъема. Не знаю, был ли это стон боли или, напротив, радости. Он сел наверху лестницы и поднял глаза к небу, словно увидел там нечто, скрытое от взоров остальных. Я сел рядом и обнял его. Я чувствовал себя таким уставшим, будто сам карабкался на коленях по лестнице.

Но даже после этого он захотел посетить все семь церквей, располагавшихся наверху. Мы были рядом и поддерживали его, когда он вошел в часовню Богородицы и вдохнул запах свечей и ладана. Он опустился на колени перед Черной Мадонной, и я почувствовал, что внутри меня как будто что-то шевельнулось. И это нечто рвалось наружу.

Я был так счастлив, что он смог это сделать. Я был уверен, что у него не получится, но он смог. Слезы катились по моим щекам, и я молился – впервые по-настоящему молился. Мне хотелось, чтобы это чувство никогда не покидало меня. После того, как мы вернулись домой, состояние моего отца не улучшилось, а я снова стал искать утешение в занятиях скейтбордом и серфингом. Но я знал – ничто не заставит меня забыть тот день, когда мы с отцом молились вместе перед Черной Мадонной.

Дознаватель: Хорошо, давайте теперь перенесемся на несколько лет вперед. Когда вы поступили в колледж.

Отец Рейли: Я снова заинтересовался религией во время обучения в колледже. Хотя, если честно, сначала я заинтересовался одной девушкой, и она пробудила у меня интерес к церкви. Она была посланницей Божьей.

Мы с Кристиной стали встречаться, когда я учился на старших курсах Калифорнийского университета. Это были мои первые серьезные отношения с девушкой после серий неудачных романов и секса на одну ночь. Кристина была высокой и худощавой с каштановыми волосами и хорошенькими ямочками, появлявшимися у нее на щеках всякий раз, когда она улыбалась мне. Казалось, ей даже нравилось, когда мы оба подолгу молчим. И, как ни странно, чем больше она молчала, когда мы бывали вместе, тем сильнее мне хотелось открыться ей, поговорить с ней. Она была первым человеком, за исключением членов моей семьи, с которым у меня возникало желание общаться. Кристина была католичкой и регулярно посещала службы, я же ходил в церковь, в лучшем случае, раз в месяц, да и то, лишь когда в тот же день у нас был запланирован совместный бранч вне дома.

Однажды Кристина сказала, что мы должны пойти на ночную службу в Сочельник. Месса была долгой, и я не скажу, что тогда снизошел Святой Дух, однако я получил удовольствие от церемонии: от запаха ладана, песнопений и всей службы в целом. Все это не может не тронуть

⁵ 14 изображений Крестного пути Христа. – *Примеч. пер.*

душу и ум любого католика. Я испытал почти те же чувства, что в Рокамадуре. На следующей неделе я уже сам предложил ей пойти на службу. После этого я снова и снова возвращался в церковь и, в конце концов, стал посещать студенческий приход. Я почувствовал, что у меня появилась цель. Я будто вернулся домой после продолжительного изгнания.

А потом умер отец.

Он перенос две трансфеноидальные операции через носовую полость после того, как гормональная терапия не дала эффективных результатов. Ни одна из процедур так и не смогла понизить уровень гормона роста. Восстанавливаясь после второй операции, он заболел менингитом и умер почти сразу.

Я был опустошен. Почему жизнь взвалила на меня одного столько тяжелых испытаний?

Близился выпускной, и я стал думать о том, чем буду заниматься после колледжа. Кристина загорелась идеей поступить в бизнес-школу, но мы никогда не обсуждали, что будем делать, если она покинет город. Впрочем, эта перспектива не особенно волновала меня. Однажды, когда я выходил из приходской церкви, я увидел, как отец Томпсон переодевался для дневной службы. Он надел рубашку, прикрепил белый воротничок. И в этот момент я представил, как делаю то же самое. Возможно, таким образом, я смогу продолжить ту долгую молитву, которую начал когда-то мой отец, и преобразовать ее во что-то более существенное.

Я стал посещать семинары для католических священников в школе философии и теологии Доминиканского ордена, которая находилась в пятидесяти милях от того места, где я жил. По мере того, как я все больше и больше укреплялся в идее принять духовный сан, наши с Кристиной отношения стали ухудшаться: я проводил все время в семинарии, а не с ней. В один из дней она написала мне по электронной почте и напомнила, как я однажды пожаловался ей, что устал от драм в своей жизни. Она предположила, что на самом деле я обожаю драмы, просто не хочу себе в этом признаться. Лучше бы она просто предложила остаться друзьями!

Я поступил в семинарию и досрочно окончил обучение в ней. Через три года я принял духовный сан и стал священником. Но затем в моей религиозной жизни произошел резкий поворот. Я решил стать иезуитом.

Дознаватель: Кажется, мне нужна еще одна сигарета. Расскажите мне об иезуитах.

Отец Рейли: Как скажете. Вот вам краткая справка об Обществе Иисуса, как они себя называют. Это католический духовный орден – монашеское общество, которое соблюдает общий устав. Орден был создан в 1540 году святым Игнатием и утвержден Папой Павлом III. Можно сказать, что это было очень давно. Мы приносим обеты бедности, послушания и целомудрия. Среди представителей католической церкви к иезуитам всегда относились неоднозначно и с подозрением. Иногда нас уничижительно называли «Солдатами Божьими». Нас подозревали в насилии, убийствах, попытках государственных переворотов и других политических интригах. Также нас обвиняли во лжи и двуличии при оправдании своих целей. С самого начала существовал конфликт между иезуитами и Святейшим Престолом: Папой и его бюрократическим аппаратом, но мы всегда желали церкви только блага.

Дознаватель: Вам виднее.

Отец Рейли: Да, нам виднее. Но, как бы то ни было, моя мать и сестра были потрясены, узнав о моем решении. Наверное, они обе считали, что я до конца дней просижу в подвале дома, а теперь считали дни до того момента, как я приму монашеский обет, и волновались, не передумаю ли я. В период моего регентства в общине иезуитов меня отправили в Сантьяго, чтобы там я помогал братьям и учил их. Это было чудесное время, проведенное в прекрасной стране: я оказался в общине монахов-отшельников, которые проводили свои часы вдали от современной цивилизации, молясь в своих кельях, где из всего убранства были лишь маленькая

кровать, деревянный алтарь и скамейка для коленопреклонения. В Чили я чувствовал себя счастливым и был доволен моей новой жизнью. Когда меня навестила мать, она была приятно удивлена моему прилежанию и новому образу жизни.

Дознаватель: Все это очень мило, но давайте не будем уходить от темы. Как вам удалось продвинуться по службе?

Отец Рейли: В свободное время я изучал «эксель» и использовал эту программу, чтобы навести порядок в финансовых и административных делах. Это привлекло внимание моих руководителей, в том числе и кардиналов, которые избегали административной работы, словно она была каким-то святотатством. Католическая церковь нуждалась в священниках, способных заниматься организационной деятельностью, и вскоре я приобрел репутацию эффективного и ответственного администратора. Добавим сюда мое полное пренебрежение чувством такта в минуты, когда мне приходилось сталкиваться с неисполнительностью других, и можно сказать, я оказался человеком, незаменимым в любой критической ситуации.

Меня сделали членом Государственного совета Ватикана – это стало моим первым повышением. Проведя некоторое время в совете, я перешел в Департамент здравоохранения. Италия и Рим производили потрясающее впечатление, особенно на молодого человека, который стремился свести к минимуму личное общение. Я всегда мог уйти в ватиканские сады или уединиться в одной из комнат для молитв, скрытых в огромных зданиях.

Некоторое время спустя у моей матери диагностировали рак груди. И когда она упала в обморок прямо перед автомобилем, который должен был отвезти ее на первый курс химиотерапии, я понял, что пришло время вернуться домой. Таким образом, я снова оказался в США как раз в тот момент, когда на землю пришло зло. Знаю, это звучит высокопарно и не совсем корректно, но это так.

Мама всегда хотела, чтобы я сидел вместе с ней на кушетке и смотрел «Танцы со звездами». Хотя я и ненавидел телевидение во всех его разновидностях и жанрах, я знал, она с нетерпением ждала, когда мы вместе будем смотреть это шоу, чтобы она смогла всласть покритиковать вульгарные костюмы исполнителей и их танцевальные способности. После этого мы обычно переключались на новостные программы. Мы смотрели их тем вечером, когда Центр по профилактике и контролю заболеваемости объявил о появлении нового вируса – о да, вначале они называли его *вирусом*. Я знаю, люди хотят забыть об этом, но подобное не происходит по мановению волшебной палочки.

Дознаватель: Сейчас мы знаем намного больше о вирусе НОЗК.

Отец Рейли: Верно. На фоне всех этих новостей о появлении нового заболевания состояние моей матери стало стабилизироваться. Она все меньше и меньше нуждалась в моей помощи. Я уже начал думать, куда приведет меня мое новое назначение, когда однажды увидел на новостном интернет-портале «БаззФид» старую статью о серии смертей и исчезновений, связанных с женщиной по имени Лиза Соул. После этого в «Нью-Йорк-таймс» появился эксклюзивный материал о новом вирусе, переносчицей которого была Лиза Соул, и я понял, что этот вирус мутировал в нечто более зловещее.

Другие средства массовой информации тут же подхватили и разнесли историю о вирусе, который называли новой Эболой. А вскоре все начали писать в основном о том, сколько еще людей подверглись действию вируса. Пресса стала называть его ногалесским органическим заболеванием крови (НОЗК), затем подключились Твиттер и Фейсбук. НОЗК спровоцировало настоящую вспышку истерии. Твиттер и Фейсбук заполонили фейковые новости, в которых сообщалось, что вирус превращает людей в кровожадных зомби или огромных человеко-

образных летучих мышей. Просто поразительно, как поначалу люди звонили по 911, чтобы сообщить о кровососущих вампирах. Я тогда часто ходил в местный мексиканский ресторан «Чипотле» и слышал, как там обсуждали разные теории заговора, связанные с вирусом НОЗК.

Каждый день, пока я ухаживал за больной раком матерью, врачи сообщали новые сведения о Лизе Соул. Каждый день становилось все яснее, что вирус не убил ее, а сделал сильнее. И она стала другой – не совсем человеком, а, возможно, и не человеком вовсе. А потом она исчезла, и появились другие носители вируса. Сначала несколько «обычных» людей, потом представители одного процента избранных: знаменитости, желавшие продлить жизнь и расширить свои способности. Новостной портал TMZ первым опубликовал многочисленные свидетельства врачей о том, что у носителей вируса возрастали физические возможности. На Ютубе стали появляться различные видео, где переболевшим вирусом людям удавалось побить мировой рекорд – стометровка за 9,58 секунды. На другом видео умеренно мускулистый пятидесятилетний носитель НОЗК устанавливал еще один рекорд, выполняя жим лежа со штангой весом 780 фунтов.

Но, думаю, людей особенно поразила история с «возрождением» Тейлор Свифт. В «Нью-Йорк таймс» писали, что она была возрождена единственным известным ребенком-носителем вируса: беловолосым десятилетним отшельником по имени Херйолвир Вильхалмсон. Это случилось на лавовом плато, откуда лава стекала в знаменитую лагуну в Гриндавике в Исландии. Херйолвир всегда успешно проводил процесс «возрождения», однако был очень избирателен в выборе потенциальных кандидатов.

Дознаватель: О, я знаю, что вы и ваш орден давно уже ищете Херйолвира.

Отец Рейли: Давайте не будем отклоняться от темы, хорошо?

Допрашиваемый смеется.

Отец Рейли: НОЗК стало чем-то... желанным. В Интернете произошел настоящий культурный переворот, и вскоре все возжелали пережить «возрождение», хотя мне очень не нравится этот термин. Зачем нам было возрождаться? Они ведь ничем не отличались от нас, они лишь хотели наслаждаться жизнью по двести-триста лет. Они добились наивысшего социального статуса. Каждый управляющий хеджевым фондом, каждый миллиардер, разбогатевший на высоких технологиях, – все они пожелали возродиться, приобрести особый статус, стать членами секретного общества и жить от двухсот до трехсот лет. Эта, свойственная НОЗК патология была выявлена после того, как в Ногалесе, неподалеку от того места, где была обнаружена Лиза Соул, из-под земли выкопали еще одно тело. Исследования выявили в трупке ДНК, идентичную ДНК вируса НОЗК, а возраст тела как раз составлял от двухсот до трехсот лет. Конечно, это не вечность, но за такое время можно прожить несколько жизней! Обладая при этом физическими данными и разумом божества. Уверен, такая возможность многим могла показаться заманчивой.

Сами посудите: вначале мы все были удивлены и заинтригованы. Даже меня заинтересовали сведения об этой новой болезни: было столько статей в газетах, блогах, информации в новостях об этих необычных людях. Их показывали на крупных спортивных мероприятиях: Суперкубке, чемпионате НБА, чемпионате США по бейсболу, Кубке мира. Помню, я был тогда в Европе по делам Европейской ассоциации католических теологов и отправился на матч футбольной Премьер-лиги между «Арсеналом» и «Челси» в Лондон. Там была группа Сумеречных, хотя этот термин еще не получил широкого распространения. На них были красно-белые полосатые шарфы с цветами «Арсенала». Их окружала восторженная толпа, словно каких-то звезд.

Многие писатели стали называть их новой расой, хотя мне это казалось бессмысленным. Впрочем, мне самому хотелось бы видеть в них не просто людей, пораженных тяжелым неду-

гом. Во всем мире поднялась большая волна интереса к появлению этих «современных людей», многие смотрели на происходящее с оптимизмом. Интеллектуалы и телеобозреватели задавались вопросом, как эти люди будут интегрированы в современное общество? Разрешат ли им участвовать в любительском или профессиональном спорте, учитывая их особые физические возможности? Принимая во внимание их особенности и продолжительность жизни, возможно, они станут идеальными кандидатурами для исследования космоса? Не способствует ли появление этих людей дальнейшему развитию нашего и без того постоянно изменяющегося общества?

Сначала я думал, что Господь создал из этого опасного вируса нечто невероятное. Читая о людях с необычайными физическими способностями, мне на ум приходил Лазарь или Вифания, которые также воскресли из мертвых. Или Моисей, перед которым расступалось Красное море. Неужели человечеству выпала честь увидеть еще одно чудо?

Дознаватель: Давайте перейдем к тому моменту, когда в вашей жизни возникли некоторые... странности. Когда вы открыли свою теневую сторону, если использовать терминологию Юнга.

Отец Рейли: Примерно в то же время, когда стало известно об истории с Лизой Соул, и когда она снова сбежала. Я получил электронное письмо от моего знакомого священника отца Марка Роджерса, с которым мы находились вместе в одном приходе в Чили. Он интересовался, не хочу ли я приехать к нему в Рим, чтобы занять новую должность, должность смотрителя ватиканской библиотеки. У матери начался период ремиссии, и она посоветовала мне согласиться на эту работу. Так я и поступил.

Я вернулся на главную площадь Ватикана в прекрасном расположении духа. Когда возвращаешься из долгого путешествия, все воспринимается намного ярче, не так ли? Цвета кажутся более насыщенными, словно на фотографии, которую передержали при проявке. Ты бродишь среди арок и гранитных стен, украшенных фресками с библейскими сценами, по мощеным извилистым улочкам и словно переносишься в другое время. В каждом уголке тебя встречают новые запахи: от аромата сирени и гардении до благоухания ладана и свечей. Около садов на стенах высотой в тридцать футов можно созерцать чудесные фрески, изображающие кораблекрушение святого Павла на Мальте. Массивная колоннада опоясывает площадь по обе стороны от собора, словно окаменевшие лапы огромного паука. Я мог сидеть, погрузившись в молитву, в одном из залов Ватиканской библиотеки и рассматривать изображенные на полу круги с названиями ветров: трамонтана, сирокко, остро. Бесконечные нефы и коридоры, стены которых украшены росписями, всегда привлекавшими мой взгляд. Каждый раз, рассматривая их, я находил в них что-то новое.

Ватиканская апостольская библиотека располагается в Ватиканском дворце. Войти в нее можно через двор дворца Бельведер, где находилась построенная в пятнадцатом веке триумфальная арка, и откуда открывался вид на противоположный берег реки Тибр. Просто поразительно, но длина полок в библиотеке, старинных и современных, из дерева и металла, составляет более двадцати пяти миль! Чудесные запахи бумаги и пергамента наполняют каждый из ее коридоров.

Библиотеку возглавляет кардинал-библиотекарь и архивариус Священной римской церкви, ему подчиняются двое прелатов: префект Ватиканской апостольской библиотеки и префект Ватиканского секретного архива. Им, в свою очередь, подчиняются два заместителя, помогающие выполнять их обязанности. А заместители являются руководителями смотрителей. Я понял, что должен был сначала выяснить, какая работа мне предстоит, прежде чем соглашаться на нее. Радостное предвкушение быстро сменилось отчаянием, когда я осознал,

что оказался на самой низшей должности в библиотеке: я был помощником помощника куратора библиотеки.

Но главное, я снова оказался в Риме! Когда я прибыл в Ватикан, меня поздравляли с тем, что я смог благополучно выбраться из Америки и не подхватить вирус НОЗК. Впрочем, на это можно было посмотреть по-разному. И было бы неплохо, если бы вы подсказали мне, какая точка зрения является верной.

Как бы то ни было, но мы еще не знали, что НОЗК уже переместилось в Европу и Азию – задолго до моего возвращения.

Журнал «Пипл», 29 марта

Отец, пытавшийся вылечить свою дочь от рака, обратился к спасительной крови Сумеречных

Роберт Аллен в отчаянии наблюдал за тем, как его восьмилетняя дочка Дженнифер – милая девочка с лучезарной улыбкой – страдает от множественной миеломы, рака плазматических клеток. Девочка мучилась от страшных болей в костях и многочисленных переломов, вызванных хрупкостью костной ткани, и отцу постоянно приходилось носить ее на руках. Из-за недостатка красных кровяных телец Дженнифер начинала задыхаться при малейшей физической активности.

«Каждый день был для нее тяжелым испытанием, – рассказывал Роберт в интервью журналу «Пипл» в марте. – Она любила играть в саду, рассматривать цветы и насекомых. Но когда ее состояние ухудшилось, она оказалась прикованной к постели. Я видел, как сильно ей хотелось выйти на улицу. Но она могла лишь смотреть из окна. И даже это давалось ей с большим трудом».

Роберт отвез дочь к доктору Трэвису Маккаули в недавно отстроенный Институт Рио-Гранде в Альбукерке – этот медицинский центр занимался изучением здоровья Сумеречных. Институт добился значительных успехов в исследовании крови и влияния на нее вируса НОЗК. Доктору Маккаули удалось модифицировать клеточные элементы крови, зараженной вирусом НОЗК, и при этом нейтрализовать сам вирус. Иными словами, это позволило сохранить все те особенности, которые человек приобретает благодаря вирусу НОЗК, за исключением его превращения в Сумеречных.

«Я считаю, что мое открытие поможет спасти жизни, – признался доктор Маккаули. – Главное – найти ему правильное применение».

Многие Сумеречные добровольно сдавали кровь, чтобы помочь Дженнифер. В подземном развлекательном центре «Мадрас-хаус» для Сумеречных были даже организованы ночные акции по сдаче крови, чтобы найти именно ту кровь, чьи характеристики соответствовали бы крови Дженнифер. На мероприятиях демонстрировались фрагменты из мюзикла «Пробуждение весны» в исполнении Киана Клери.

Доктор Маккаули приготовил специальную вакцину из зараженной вирусом НОЗК крови и ввел ее в костный мозг и в кровь Дженнифер. После пяти месяцев лечения у Дженнифер началась ремиссия. Теперь она играет на улице, изучает окружающий ее мир и живет жизнью нормального восьмилетнего ребенка. «Я хочу стать ученой, исследовать природу, а еще содержать приют для бездомных животных», – рассказала журналу «Пипл» Дженнифер, увлеченно поглощая мороженое – десерт, который был недоступен ей во время болезни.

«Сумеречные спасли ей жизнь, – сказал Роберт журналу «Пипл», держа на руках свою дочь. – Я никогда об этом не забуду. И она тоже».

Глава 3

10 февраля *Через девять месяцев после обнаружения вируса НОЗК*

Доктор Лорен Скотт

Врач-исследователь Центра по контролю за заболеваниями

Я услышала тихий стук по стеклу закрытого окна, а потом жужжание в наушнике – это означало, что кто-то вошел в лабораторию. Я положила пробирки обратно в контейнер для хранения биоматериалов и расстегнула пневмокуртку. Побрызгала дезинфицирующим средством на руки в перчатках, после чего обработала костюм в специальном душевом отсеке: обрызгала костюм химикатами, а затем высушила. Я изучала старые образцы крови с НОЗК, которые не подверглись распаду, сравнивала их с компьютерными моделями на предмет реакции разложения, лейкоцитарной формулы, уровня содержания тромбоцитов в пробах на коагуляцию, и в особенности меня интересовал протромбиновый индекс. Обычно образцы крови отправлялись для анализа в Центр комплексных исследований в Форте Деррик, что в штате Мэриленд, или в Национальный институт здоровья в Бетесде, но я получила разрешение самой провести исследования в штабе Центра профилактики и контроля заболеваемости.

По сигналу центрального компьютера дверь в шлюзовую камеру открылась, и я вошла в буферный коридор, где на меня была направлена струя фильтрованного воздуха. На компьютерной системе замигала зеленая лампочка, это служило сигналом к тому, что я могу покинуть буферную зону. В штабе Центра ПКЗ в Атланте, как всегда, зуб на зуб не попадал, а я оставила свитер в машине и теперь чувствовала, как холодок пробегает у меня по спине.

Майкл Спенс – представитель по связям с конгрессом от Центра ПКЗ – стоял около книжного шкафа: как всегда с неизменным галстуком-бабочкой и счастливым выражением лица. Я сразу поняла, что ничего хорошего эта встреча не сулит.

– Привет, Лорен, – поздоровался Майкл, по привычке раскачиваясь взад-вперед.

– Майкл, надеюсь, ты здесь по важному делу? Я знаю, как ты не любишь этот этаж – еще с тех пор, когда заподозрил, будто заразился ботулизмом, только потому, что посидел на стуле.

Майкл поморщился.

– Спасибо, что напомнила – воспоминания, кстати, не из самых приятных. Я до сих пор уверен, что в моей крови остаются латентные клетки ботулизма, но Центр ПКЗ отказывается брать у меня анализы.

Я отвернулась от экрана и посмотрела на него:

– Чем черт не шутит...

– Вижу, ты хочешь, чтобы мне по ночам снились кошмары? – улыбнулся Майкл. – Что ж, я здесь *действительно* по очень важной причине. Комитет Конгресса хочет, чтобы представитель Центра ПКЗ явился к ним перед слушаниями по поводу вируса НОЗК.

Я кивнула и потянула спину – до этого я целый час провела в сгорбленном состоянии.

– Хорошо. И кто же будет давать показания? Я вкратце расскажу им обо всем, что имеет отношение к вирусу.

Майкл смерил меня долгим взглядом, затем снова улыбнулся.

– Хочешь знать, кого выбрал директор?

– Разумеется.

Он расправил плечи и приготовился сделать заявление:

– Лорен Скотт будет давать показания перед представителями Комитета по национальной безопасности Палаты представителей Конгресса США.

Я почувствовала, как краснеют щеки.

– О нет. Это невозможно. У меня недостаточно квалификации или опыта, чтобы...

Майкл сел рядом со мной, хотя, судя по выражению его лица, он тут же пожалел об этом, вспомнив свои прошлые страхи заболеть ботулизмом.

– Извините, мисс Скотт, но директор назначил вас. Вы больше всех в теме. Это станет для вас отличным опытом.

Я только кивнула, в животе у меня заурчало. Я всегда боялась выступать на публике, особенно перед камерами и журналистами. Слушания были запланированы на четверг – еще достаточно времени на подготовку.

Со мной связались представители комитетов партий большинства и меньшинства, они помогли мне советами по поводу вопросов, которые могли бы прозвучать от членов комитета. В Центре ПКЗ коллеги из отдела по связям с государственными структурами также внесли свою лепту в мою подготовку.

Перед отъездом из Атланты я звонила отцу каждый вечер. Он, как мог, пытался успокоить меня, но я чувствовала себя не в своей тарелке, как если бы пыталась навязаться на его встречу с друзьями по баскетбольной команде из колледжа. Когда я напомнила ему, что буду давать показания в Вашингтоне, он сказал:

– Если там у тебя все получится, перед тобой, девочка моя, откроются все пути!

– Пап, кажется, это из песни про Нью-Йорк.

– Ну да. Верно, – отозвался он.

В Вашингтоне я провела беспокойную ночь в роскошном до нелепости номере отеля, который оплачивался за государственный счет. Я встала рано и начала ходить по комнате, пытаюсь успокоиться. «Черт!» Я поднялась на носки и глубоко вздохнула. Моя попытка помедитировать длилась, примерно, десять секунд, затем в голову снова полезли тревожные мысли. Вот-вот надо было выходить. Как всегда в последний момент я стала лихорадочно собирать бумаги, зная, что через несколько минут к отелю подъедет такси. Тут же раздался стук – кто-то стучал в мою дверь. «Почему так рано?» – подумала я, отпирая.

На пороге стояла моя сестра. Она широко улыбалась.

– О Господи... Дженни! Что ты здесь делаешь? То есть я, конечно, рада, что ты здесь... – Я в замешательстве отошла в сторону, пропуская ее в номер. А потом крепко обняла. Я уже почти год не видела никого из семьи. Мне хотелось усадить ее, расспросить о жизни, об учебе, о ее парне, но времени не было. Она появилась в самый неподходящий момент, и мне стало очень грустно.

– Папа сказал, что ты будешь выступать в Конгрессе... уму непостижимо, *в Конгрессе!* А я была в Филадельфии, гостила у Ханны и Элеоноры – у них небольшое турне по северо-востоку страны. Вот я и решила поехать проведать тебя.

Мы сели на кровать.

– У меня всего несколько минут, пока за мной не приехал водитель, – сказала я. – Так что...

– Почему ты ненавидишь Сумеречных? – спросила Дженнифер, отводя взгляд. Когда же она подняла глаза, ее лицо словно перекосило от боли.

Я не знала, что и подумать. Дженни наклонилась ко мне с мрачным и сосредоточенным видом.

– Что... почему ты меня об этом спрашиваешь? – сказала я.

– Потому что это очень грустно. Ты испытываешь предубеждение против полноценной группы нашего общества.

Я встала.

– Почему ты решила заговорить об этом именно сейчас? Мы не виделись уже несколько месяцев.

– В последнее время я много думала об этом. Я читала все эти твои статьи. В них столько ненависти! Я встречала некоторых Сумеречных, они замечательные люди. – Выражение лица Дженни немного смягчилось.

Что-то в ее словах показалось мне странным.

– Кто-то надоумил тебя спросить об этом? Это были они?

Дженни буквально выросла у меня на руках, и я безошибочно могла понять, когда она лжет, замечала малейшие неконтролируемые движения мускулов ее лица. И сейчас мимика выдала ее.

– Нет, – ответила она. – Я... Кое-кто из них, мои друзья, попросили узнать, почему ты их ненавидишь. Вот и все. Я знаю, на самом деле ты не такая.

Я снова обняла ее. У меня не было времени сердиться.

– Дженни, ты должна быть осторожной. Они опасны. Я своими глазами видела, какими жестокими они бывают. А ты – нет. Они преследуют исключительно свои интересы. Они могут использовать тебя...

– Нет, не могут, Лорен! Они заслужили право на жизнь, как и все остальные... как и все люди! – Она вырвалась из моих объятий и подошла к окну, указывая на видневшийся вдали купол Капитолия. – Те люди должны защищать их, а не пытаться уничтожить. Мы не должны быть такими. Ты знаешь об этом.

Дженни была расстроена, взволнована. Я не стала давить на нее. Просто положила руку на плечо и сказала:

– Знаю. Но все равно будь осторожна.

Я поцеловала ее на прощание. Мы расстались по-хорошему. Я села в такси, стараясь сосредоточиться на предстоящем выступлении. Но в тот момент мне хотелось лишь одного: вернуться, найти сестру и никогда больше не отпускать ее.

Я все еще была взволнована после встречи с Дженни, когда около девяти утра подъехала к Капитолию. Один из многочисленных сотрудников у входа поздоровался со мной и отвел в маленькую, но изысканно обставленную комнату ожидания.

– Располагайтесь поудобнее, – сказал он и исчез.

В комнате были закуски и напитки. Я налила себе кофе, но не смогла выпить больше одного глотка. А вдруг я описаюсь во время слушаний? Только об этом мне еще не хватало переживать! Я пыталась утешить себя мыслью, что это будет не так трудно и опасно, как преследовать Сумеречную убийцу на юго-востоке страны. Но мне это не помогло.

Через пару минут дверь открылась, и в комнату вошел высокий импозантный мужчина с коротко стриженными седыми волосами. Его поведение свидетельствовало о том, что ему часто приходилось бывать здесь. Одернув пиджак, я протянула ему руку...

Я обратила внимание на исходивший от него цветочный запах. Он показался мне знакомым, но я не могла понять откуда. Странно, но в тот момент я сама ощущала себя словно цветок, который этот мужчина должен был опылить.

– Здравствуйте, – сказала я. – Меня зовут Лорен Скотт.

Мужчина не пожал мне руки. Он указал на стул и сел напротив. У него были холодные, словно выточенные из безупречного зеленого камня глаза. Неужели все сотрудники Конгресса такие невежи?

Я села и сделала глубокий вдох, но от этого моя голова закружилась еще сильнее.

– Я могу поговорить с вами, доктор Скотт?

– Да, – ответила я. – Позвольте поинтересоваться, кто вы?

Он проигнорировал мой вопрос.

– Я хочу обсудить ваше сегодняшнее выступление.

– А что именно?

– Я хочу, чтобы вы пересмотрели некоторые ваши выводы. Я читал ваш отчет и конспект вашего выступления и...

Я вскочила со стула.

– Извините, но как вам попал в руки мой конспект?

Мужчина поднял руку, жестом приказывая мне замолчать. Он снова проигнорировал мой вопрос.

– Я представляю интересы тех, кто не желает, чтобы неоправданные подозрения и клевета высказывались по поводу вируса НОЗК и его носителей. Полагаю, это разумная просьба. – С этими словами он положил на пустой стул папку. – Я внес некоторые поправки в текст вашего выступления и хочу, чтобы вы воспользовались ими, когда будете отвечать на вопросы.

Я не могла поверить, что это происходит на самом деле. Он что, сумасшедший?

– Вы в своем уме? Кого вы представляете?

Мужчина встал и поправил свой дорогой галстук.

– Так будет лучше. Возьмите папку.

Когда он открыл дверь, в комнату вошел один из сотрудников Конгресса.

– Ой, доброе утро, сенатор, – произнес он с дежурной улыбкой на лице. – Рад снова видеть вас.

Сенатор ничего не ответил, только кивнул и удалился.

Ассистент повернулся ко мне и с улыбкой хлопнул в ладоши.

– Итак, через пять минут начинаем! Вы готовы?

– Да, – ответила я, хотя чувствовала себя неуверенно. – А кто этот человек, который вышел из комнаты?

– А, это сенатор Гай Бэйл – он был сенатором от штата Висконсин два срока подряд. Сейчас он – влиятельный лоббист.

Мне оставалось только кивнуть в ответ. Вскоре я вышла из комнаты, и меня повели в зал для слушаний. До начала оставалось всего несколько минут, но я твердо знала, что ничего не изменю в своем заявлении. Однако чувство тревоги не покидало меня.

В тот день я во второй раз встретила с Сумеречными.

Глава 4

Отец Джон Рейли

Католический священник, иезуит

Дознаватель – крупный мужчина в панаме и мешковатом жилете с накладными карманами – сидит на скрипучем складном металлическом стуле в центре тесного помещения. Он все время ерзает, словно никак не может принять удобного положения.

Дознаватель: Отец Рейли, вы готовы?

Отец Рейли: Мы сейчас в Монтане? Вы только что с рыбалки?

Дознаватель: Как оригинально. Шутка, что называется, удалась. Впрочем, большинство моих подопечных считают, что с юмором я на «вы».

Отец Рейли: И вы этому верите?

Дознаватель: Ваш предшественник посоветовал мне почитать «Голый завтрак». Я рекомендовал ему ознакомиться с творчеством графа де Лотреамона.

Отец Рейли: Воистину неисповедимы пути Господни.

Дознаватель: Вы рассказывали нам о вашей новой работе в Ватикане.

Отец Рейли: Да, к сожалению, моя новая должность в Ватикане оказалась не слишком интересной. Даже академики, которые с таким рвением изучают исторические книги, заскучили бы от монотонной работы по составлению книжных каталогов или тщательного выискивания материалов, которым была необходима реставрация. Коллектив нашей библиотеки взял на себя реализацию глобальной или, как сказали бы некоторые, бесполезной задачи – перевести в цифру обширное собрание библиотеки, хотя я и представить себе не могу, сколько времени уйдет на то, чтобы оцифровать все книги на двадцати милях полок.

Мы использовали самые совершенные сканеры – модель «Better Light Super 8K-HS». Эти большие сканеры с высоким разрешением используются только в музеях для особенно четкой передачи всех деталей. Они сконструированы таким образом, что наносят рукописям минимальный вред. Если книга оказывалась слишком хрупкой, мы использовали широкоформатный фотоаппарат, чтобы снять и перевести материал в цифру. Это был очень медленный, монотонный процесс. Иногда, чтобы добиться хорошего изображения, приходилось сканировать по несколько раз.

Каждый день до отвращения походил на предыдущий, поэтому я искал какой-нибудь отдушины от этого монотонного существования. Эти поиски привели меня в Ватиканский секретный архив. Как мы все знаем, он не такой уж и секретный. Разумеется, в Интернете строят разные теории заговора о том, какие тайны скрыты в этом архиве. Но на самом деле архив был открыт для ученых и студентов, получивших разрешение на доступ к нему для написания своих работ. Каталоги по многу лет не обновлялись и сведения в них были неполными и плохо организованными.

Меня интересовали показания очевидцев и данные расследований о явлениях Святой Девы Марии. В нашей церкви Святая Дева несколько раз появлялась перед верующими, чтобы оставить послания или пророчества о грядущем и о том, что нужно было сделать для спасе-

ния людей, потерявших надежду. В архивах содержалась информация о некоторых видениях Девы, которые были подтверждены церковью, а также о других, более многочисленных фактах, достоверность которых церковь не подтверждала.

Особенно меня заинтересовало Фатимское видение Девы Марии в Португалии. Перед тремя девочками явилась Святая Матерь, воссиявшая «ярче солнца». От нее исходили лучи света, что были «гораздо ярче и чище, чем хрустальный кубок, наполненный чистой водой и пронзенный обжигающими лучами солнца». Всего Дева Мария являлась перед детьми шесть раз в промежутке между тринадцатым мая и тринадцатым октября 1917 года. И за эти месяцы Святая Матерь поделилась с детьми тремя тайнами.

Первой тайной стало видение ада, которое открылось перед всеми тремя девочками.

Вторая тайна была связана с необходимостью почитания Непорочного Сердца Марии для спасения души и обретения покоя.

Третья тайна была записана старостой местного прихода. Только ему доверились дети. Затем письмо было передано приходскому священнику, а тот отправил копию Папе Бенедикту XV, который впоследствии заявил: «Пусть эта тайна никогда не будет обнаружена».

Дознаватель: Ах, святой отец, вы, несомненно, последний истинно верующий на Земле!

Отец Рейли: Принимаю это как комплимент.

В последующее столетие возможное содержание третьего секрета обсуждалось неоднократно, однако церковь не позволяла раскрывать его. И когда я фотографировал и сканировал страницу за страницей гораздо менее интересных работ, во мне росла своего рода одержимость желанием узнать эту тайну. Месяцами я размышлял о том, что это могло быть за послание. Мне оно даже снилось по ночам, иногда я просыпался в темноте, представляя, какие катастрофы ожидают нас в будущем. Я убедил себя, что мне необходимо найти это письмо и непременно узнать третью тайну.

Дознаватель: Постойте, вы не голодны? *Пауза.* Пусть камера зафиксирует, как допрашиваемый отрицательно качает головой. Ладно, надеюсь, вы не возражаете, если я съем сэндвич, пока вы продолжаете рассказ? *Пауза.* Пусть камера зафиксирует, как допрашиваемый кивает в знак согласия. Я знал, что вы не станете возражать. Продолжайте.

Отец Рейли: В общем, количество носителей вируса НОЗК стало увеличиваться, и они начали называть себя Сумеречными. Термин впервые был использован в статье в «Нью-Йорк Таймс», где обсуждалась новая организация в Нью-Йорке, Берлине и Лондоне для людей, зараженных НОЗК. Бобби Смитсон, носитель НОЗК, организовала нью-йоркскую группу и сообщила репортеру газеты, что ее участники решили называть себя «Сумеречными». По ее словам, этот безобидный термин позволял создать «положительный образ», в отличие от прежней установки рассматривать их как побочный продукт деятельности какого-то «вируса».

Внедрение термина «Сумеречные» в других странах проходило не так гладко. В Германии использовался грубый и довольно неуклюжий перевод *Zwielicht*, в Италии – *crepuscolo* – что означает «сумерки». Однако вследствие того, что это слово постоянно использовалось американскими СМИ и благодаря Тейлор Свифт, которая регулярно употребляла его во всех соцсетях, термин у нас прижился.

Думаю, мы все слышали о таком явлении, как вампиризм, благодаря популярной культуре, литературе, фильмам и фольклору. В каждой культуре присутствуют древние легенды о существах, питающихся кровью невинных людей. Мне сложно сказать, когда именно в Европе и Америке стали терпимее относиться к этому новому слову – «Сумеречные». Я жил в Ватикане и был несколько оторван от действительности. Но Сумеречные стали отстаивать свою

идентичность и обрушили критику на людей, называвших их «вампирами» и «кровопийцами». Они заявляли, что эти слова являются оскорбительными, хотя один философ из числа Сумеречных сказал, что сами Сумеречные могут использовать их в своей среде. В штате Калифорния была вынесена официальная резолюция о запрете слова «вампир». Когда Ник Байндон Клэрмонт во время своей кампании за кресло губернатора штата Нью-Мексико заявил, что «С момента моего возрождения меня не называли вампиром так часто, как за последние тридцать дней», оппоненты обвинили его в том, что он разыгрывает «вампирскую карту», чтобы спасти свою политическую карьеру.

Многие стали высказывать романтические идеи о сходстве Сумеречных с вампирами из популярных книг и фильмов и искали любовных отношений с Сумеречными. Но подобные отношения быстро заканчивались, так как вскоре все эти мужчины и женщины осознавали существенную разницу между Сумеречными и людьми. Сумеречные – насколько это было изучено специалистами – имели выраженную склонность к нарциссическому расстройству личности и психопатии. Я знаю, что многие организации опровергали эти заявления, но их опровержения были голословными. Проводились и другие исследования, доказавшие, что не все Сумеречные обладали подобными качествами от рождения. Однако похоже, что акт возрождения изменял определенные биологические процессы в их мозге. Дебаты на тему «природа или воспитание» велись постоянно. Это анекдотично, но всем быстро стало ясно, что Сумеречные, как мужчины, так и женщины, обладали набором общих признаков: высокий интеллект, презрение и жестокость по отношению к окружающим, аморальность, амбициозность и авторитарность. Однако в отличие от людей, наделенных подобными чертами, Сумеречные ничуть не страдали от комплекса неполноценности.

Дознатель: Значит, вы уже были одержимы Сумеречными, еще до того, как начались ваши архивные исследования?

Отец Рейли: Сестра звонила каждую неделю и все время обсуждала со мной последние новости о Сумеречных. Мужчины и женщины, пытавшиеся вступить в романтические отношения с Сумеречными, вызывали у нее живейший интерес. Она отправила мне по электронной почте интервью с Бекки Беннетт – знаменитой телеведущей на местной телестанции Си-би-эс в Лос-Анджелесе, – которая в деталях рассказала о таких отношениях. Бекки встретила с Сумеречным по имени Захари Говард – известным британским художником-реалистом – на премьере последнего супергеройского боевика студии «Марвел». Он приехал поздно, так как выходил на улицу только после того, как солнце полностью скрывалось за горизонтом. Бекки стояла у входа в кинотеатр, ожидая, пока все звезды пройдут по красной ковровой дорожке. Заметив Говарда, она завязала с ним беседу, так как рядом никого больше не было. Отношения Бекки и Зака складывались вполне нормально. Правда, Бекки признавалась, что играла более активную роль, учитывая сдержанную натуру Сумеречных. Их первое свидание состоялось в ночном баре, где они большей частью говорили о картинах Зака, о том, как он раскрывает глубины своего подсознания, чтобы в полной мере исследовать грань, разделяющую людей и Сумеречных. Бекки отметила, что он даже не спросил о роде ее занятий – она сама рассказала о себе без каких-либо наводящих вопросов со стороны Захари. «Мне показалось это грубым и эгоистичным, – призналась она репортеру. – Ему было интересно говорить только о себе. Он часто исчезал на несколько дней и не выходил на связь. Я никогда еще не чувствовала себя такой одинокой, как во время нашего романа. С этим человеком просто невозможно было наладить личное взаимодействие».

Репортер спросила ее, почему она так долго оставалась с ним.

«Потому что ему невозможно было противостоять, – ответила Бекки. – Я стала сомневаться в собственной вменяемости, так как постоянно думала только о нем. Сами посудите, я

живу в Лос-Анджелесе всю жизнь и хорошо знаю людей подобного сорта. Надеюсь, это звучит не слишком странно, но он напоминал мне некоторых наркоманов, в которых я была влюблена. Склонность к зависимостям, странная самооценка и невероятный дух противоречия. Но я не пытаюсь очернить Лос-Анджелес, это прекрасное место, и здесь живут замечательные люди».

Репортер спросил, не сожалеет ли она.

«Думаю, мне очень повезло, что я не исчезла. Вы понимаете, о чем я», – холодно ответила она.

После этого репортер быстро сменил тему. Бекки намекнула на сообщения об исчезновениях женщин и мужчин после отношений или свиданий с Сумеречными, в том числе о пропаже многих женщин в Великобритании, откуда был родом Захари и где у него было три дома. Некоторые тела позже были найдены полностью обескровленными, и это породило подозрения, что Сумеречные в определенный период времени становятся опасными для людей, поскольку испытывают потребность в их крови. Однако Сумеречные считали подобные утверждения оскорбительными.

Ученые приступили к более тщательному изучению Сумеречных: их силы и выносливости, их непереносимости солнца. Они выяснили, что их тела разлагаются очень медленно, практически незаметно, и по представлению ученых, продолжительность жизни может составлять от двухсот до трехсот лет. Эти гипотезы подтвердились после того, как в приграничном городе Ногалесе обнаружили массовое захоронение. Было извлечено восемь тел, но семь из них неизвестные воры украли из морга. Однако последнее тело ранее было отправлено в университет Аризоны, и это спасло его от кражи. Исследования с помощью радиологического датирования установили, что в момент смерти субъекту было от двухсот пятидесяти до трехсот лет, и смерть наступила в силу естественных причин. Таким образом, ученые смогли определить среднюю продолжительность жизни Сумеречных.

Некоторые исследователи установили также, что под действием вируса ДНК Сумеречных постоянно изменялась. Я не претендую на роль ученого, но это кажется мне поразительным. И потом, все эти истории о том, что они, якобы, способны исчезать, гипнотизировать взглядом и голосом – что, если все это были не просто слухи? Ничего из этого не было доказано, и я не доверял подобным теориям. Но это было совершенно безумное время.

Дознаватель: Как духовенство отнеслось к этим новым существам? Вы ведь тогда имели тесные связи с церковью.

Отец Рейли: Церковь не сразу определилась со своей позицией. Она лишь в очередной раз напомнила о том, что поддерживает все живое. Но один из священников католической церкви сразу стал высказывать свои опасения по поводу нового вида. Это был епископ Лоуренс Томас.

Дознаватель: Давайте на минуту сосредоточим внимание на нем. Когда вы впервые узнали о епископе Томасе?

Отец Рейли: Когда он выступил на конференции Братства католических священников в Цюрихе. Большинство выступавших освещали общие проблемы духовенства. Но затем на кафедру поднялся епископ Томас и заговорил о «великом пробуждении» паствы. Он призывал к тому, что церковь должна значительно преобразиться, чтобы противостоять людской злобе. Он обращался к духовенству, включая высокопоставленных кардиналов. Но его слова понравились немногим.

Дознаватель: А вам?

Отец Рейли: Я был... (Пауза) Зачарован его словами.

Дознаватель: Вам, конечно, известно, что епископ Томас родом из Алабамы. Что он болен симптоматической очаговой эпилепсией, вызванной родовой травмой головы. Это общедоступная информация. Об этом неоднократно писалось в прессе. И то, что он и его последователи считают видениями... разве это не было результатом приступов? Оцените его поступки – этого человека называли Пещерным епископом. Он в одиночестве поднимался на Аризонские горы, чтобы днями напролет молиться в тишине. Вам не приходило в голову, что этот человек вовсе не пророк, а... (Пауза) При всем моем уважении к вам, святой отец, это слишком уж эксцентричное поведение.

Отец Рейли: При всем моем уважении к вам, но то, что вы называете эксцентричностью, другие считают отшельничеством нового времени.

Дознаватель: Даже так?

Отец Рейли: Да, чрезмерная заносчивость и частые выпады против богачей сделали его козлом отпущения для критиков церкви как со стороны меценатов, так и политиков. Многие далекие от церкви люди морщились, слушая его смелые предупреждения о том, что они должны изменить свою жизнь и подготовиться к чистилищу и аду. Он говорил о намерении Бога навсегда отринуть и уничтожить всех грешников, искоренить человеческое упорство в своей греховности. «И этот грех против Господа, нарушающий вечные обязательства, является бесконечно гнусным преступлением и требует самого сурового наказания».

Но ему не чуждо и сопереживание. Он часто помогал бездомным в дневных стационарах разных городов. Организовывал доставку еды. Он спровоцировал небольшой скандал из-за своих призывов воспринимать страдания как наказание за грехи. Он заявлял, что жертвы болезней должны внимательно изучить свои заболевания. Все, включая Сумеречных.

Епископ Томас был первым нашим священником, который открыто высказал сомнения относительно этого нового вида, потребовал выяснить их истинные намерения. И это было еще до того, как неизвестно откуда возник их лидер.

Дознаватель: Как вам удалось заполучить письмо?

Отец Рейли: Разумеется, не так-то просто было узнать, где находится письмо и достать его. Я имел доступ в секретный архив, но был всего лишь смотрителем. Архив Девы Марии находится в комнатухе, прилегающей к большим архивам. И хотя основная часть комнат не оснащена специальной охранной системой, так как это повредило бы изначальной архитектуре здания, в той комнате установлены лазерные фотоэлектрические датчики, выявляющие присутствие непрошенных гостей. Кроме того, там имеются электромагнитные замки. Дверь не укреплена, но над ней размещены камеры и лазеры. На окнах – акустические детекторы, реагирующие на повреждение стекла, на стенах – сенсоры, фиксирующие вибрацию.

Я обратился к моему другу, отцу Марку Роджерсу, который пригласил меня на работу в Ватиканскую библиотеку. Этот седовласый ирландец проработал здесь много лет, намного больше меня. Мы вместе работали на Европейской конференции Совета епископов, я выполнял там административные обязанности, он же, будучи директором мероприятия, почти все время проводил в различных пабах. Увидев, как я обновляю базы данных в Excel, отец Марк решил, что я только что превратил воду в вино, и потребовал, чтобы я пошел с ним и его друзьями в паб. Тогда я в первый раз напился. Думаю, после этого мы и стали друзьями. Он знал все о тайных сокровищах, которые можно было отыскать в Ватикане.

Я заговорил об этом за ужином в маленьком ресторане еврейского гетто. Зал был тесным, столы стояли так близко друг к другу, что ты поневоле дотрагивался до соседей, а на стенах были развешены пожелтевшие от времени фотографии. Пожилые официанты в белых пиджаках и черных галстуках-бабочках бесшумно передвигались по залу, нагибаясь под низкими сводами потолка. Нам только что принесли небольшой графин терпкого красного вина.

– Ты серьезно? – спросил Марк, и его багровая физиономия сморщилась в ехидной гримасе. – Вот чокнутый ублюдок!

Я кивнул и взял хлеб со стола.

– Я просто хотел взглянуть на него. Не более того. Послушай, я же не собираюсь его похищать.

Марк покачал головой и налил еще один бокал вина.

– Меня не интересуют твои намерения, – сказал он. – Слушай, я могу разузнать, где оно находится, но дальше действуй сам. И мне точно известно, что оно не в Архиве Марии.

– Не там?

– Нет. Кардиналы не хотят, чтобы кто-нибудь нашел те письма. В Архиве Марии вообще нет ничего по-настоящему ценного. – Задумавшись, он уставился на пустой бокал. – Вероятно, письмо хранится где-то еще. Но не думаю, что оно будет лежать у кого-нибудь в столе, чтобы любой мог взять да и прочитать его.

– Да. Пути Господни неисповедимы.

Достопочтенный отец закатил глаза и знаком велел официанту принести еще одну бутылку.

– Мне нужно еще выпить, прежде чем ты начнешь говорить о Боге.

В течение следующих недель отец Марк расспрашивал разных хранителей, интересовался у них местонахождением различных материалов. Он действовал хитро, прощупывал почву, не выдавая главного секрета. Разумеется, учитывая возраст организации, и ее бюрократизацию, некоторые важные документы находились в различных хранилищах и сейфах, другие же в полном беспорядке лежали в обычных шкафах и ящиках столов. В разных зданиях и помещениях уровень безопасности разительно отличался. Но мне это оказалось только на руку. Точнее, нам. Простите.

В конце концов, мы узнали, что письма находились на верхнем этаже кардинальского кабинета, выходящего окнами на юридическое бюро Ватикана. Их поместили туда после того, как некоторое время назад один из ватиканских теологов прочитал два других письма. Третье было спрятано в сейф, ключ от которого хранился у Папы и его нынешнего секретаря.

Хорошей новостью стало то, что письма находились не в официальной резиденции Папы, куда невозможно было проникнуть. Плохая же заключалась в том, что достать ключ от сейфа тоже было практически невозможно.

Отец Марк встретился с ассистентом папского секретаря и выяснил, что секретарь должен был уехать в Испанию на неделю. Поскольку народу в этой трехэтажной резиденции поубавилось, у нас появился шанс поискать ключ от сейфа.

И на этом этапе отец Марк оказал мне серьезную помощь. Он охотно согласился помогать мне в поисках, и мы быстро составили план действий.

Дознаватель: Расскажите мне о краже.

Отец Рейли: Что ж, Ватикан представляет собой ряд зданий, соединенных переходами и внутренними дворами. Большинство окнами выходят на площадь святого Петра, поэтому, оказавшись внутри комплекса, вы можете просто сесть на скамейку и вести наблюдение, так как из большинства мест видны почти все здания сразу. Мы решили действовать в ночь на

среду, поскольку в нужном нам здании никого не было: в эту ночь проводилась Пасхальная адорация – ночная служба, длящаяся двенадцать часов и проходящая в канун Пасхи.

Я сидел с кружкой кофе в руках, наблюдал за третьим этажом здания, прилегавшего к Папской академии наук, и дрожал. В Риме стояли нетипичные для этого сезона холода, а из покрытых фресками гранитных коридоров тянуло морозцем. На мне была хлопковая сутана, и я сильно пожалел о том, что не надел шерстяную. Я рассматривал ряды огромных коринфских колонн со стороны Губернаторского дворца и видел, как тринадцать статуй на крыше Собора святого Петра окрашиваются в оранжевый цвет лучами заходящего солнца. Ближайшим зданием был Монастырь Матери Церкви, закрытый на ремонт.

Я время от времени открывал свой псалтырь на случай, если кто-нибудь увидит меня. Я должен был выглядеть как обычный священник, читающий молитвы. Вскоре после полуночи я написал текстовое сообщение отцу Марку: «НАЧИНАЕМ». Через пятнадцать минут он уселся на жесткую лавку рядом со мной.

– Почему так долго? – спросил я.

– Я обошел вокруг здания, – ответил он, – хотел убедиться, что поблизости никого нет. И никто не будет за нами следить. – Он вытащил из кармана фляжку, открутил колпачок и сделал большой глоток. Затем протянул фляжку мне.

Я удивленно приподнял брови.

– Очень умно. Если бы ты не был конченным алкоголиком, то мог бы стать секретным агентом.

Он усмехнулся.

– Глоток для храбрости, амиго! Мне сейчас придется сыграть в Джейсона Борна. И нужно все сделать правильно. – Он осмотрелся по сторонам и убрал фляжку. – Ну ладно, у меня есть ключ, чтобы попасть внутрь. Но потом придется действовать по обстоятельствам.

– У нас же есть ключ. Что может пойти не так? – с улыбкой ответил ему я.

Дознаватель: А можно с этого момента поподробнее?

Отец Рейли: Мы прошли к главному входу в здание через арку, украшенную фресками со сценами из Ветхого Завета. Отец Марк вытащил из кармана ключ и открыл дверь. Я подумал, что пока все идет неплохо, и даже очень просто. Мы достали фонарики и пошли по длинному коридору под крестовыми сводами мимо составных гранитных колонн. Я инстинктивно искал камеры, но их либо не было вовсе, либо они были хорошо спрятаны. В любом случае, мы бы скоро выяснили, так это или нет.

Мы нашли лестницу и быстро поднялись на третий этаж. Я бросил взгляд на отца Марка, прежде чем взяться за дверную ручку. Она легко открылась. Я едва мог скрыть улыбку, когда мы шли по темному коридору и я фонариком искал комнату 3С. Дубовые панели на стенах отражали свет. На потолке желтела фреска с картой Италии десятого века, ее нарисовал священник, живший в этом здании много столетий тому назад. Над каждой дверью была резная арка, украшенная вырезанными из дерева ангелами. Фонарь осветил табличку на двери. Мы стояли перед нужной комнатой. Я дернул дверную ручку, но дверь не поддавалась.

– Теперь твоя очередь, – прошептал отец Марк.

Я достал тонкую металлическую пластину, которую позаимствовал из комнаты для реставрации книг, и просунул ее между дверью и дверной коробкой. Затем стал двигать ее вверх-вниз, пока язычок дверного замка не сдвинулся и я не смог провернуть ручку.

Я улыбнулся отцу Марку. Он покачал головой и жестом предложил войти. Мы оказались в богато обставленной приемной с многочисленными шкафами, инкрустированными золотыми фигурками святых. Я осветил фонарем другую часть комнаты: там был стол и несколько стульев.

Отец Марк опустил мою руку с фонариком вниз.

– Постарайся не светить около окон.

– Правильная мысль, – согласился я, подходя к двери в кабинет. Пока все шло замечательно. Деревянные половицы поскрипывали, когда я шел вдоль стены в поисках сейфа или ящика для хранения документов.

Как ни странно, сейф мы обнаружили в кабинете за большим, инкрустированным золотом столом. Даже в тот момент я несколько не сомневался в том, что мои попытки могут не увенчаться успехом. Я обернулся к отцу Марку и увидел, что он шарит по столу в поисках пароля. Тогдашний папский секретарь пребывал в таком возрасте, что ему было затруднительно запомнить пароль. Мы решили, что бумага с паролем находится где-нибудь на его столе.

После нескольких минут поисков я увидел, как отец Марк поднял голову и с улыбкой помахал маленьким блокнотом. В это трудно поверить, но в последующие годы я узнал, что таким же образом взламываются базы данных крупнейших мировых компаний – в пароле нет никакого смысла, если его легко найти. Я посветил фонариком на листок с паролями и нашел тот, что был от сейфа. Он был написан по-итальянски неровным почерком. Я набрал код. И, поворачивая ручку, глубоко вздохнул. Сейф со скрипом открылся.

Внутри был ужасный беспорядок. Бумаги копились здесь веками, и я мысленно задался вопросом, как долго придется все это разбирать. Отец Марк выглядел расслабленным после того, как в очередной раз приложился к фляжке. Он заглянул мне через плечо и покачал головой.

– Мы не можем оставаться здесь дольше, чем на час. С каждой минутой наши шансы оказаться в тюрьме возрастают.

– Да, – ответил я.

– Тогда не будем терять времени зря.

Мы стали доставать бумаги одну за другой, изучали их и складывали на полу. Примерно через тридцать минут я извлек деревянный ящичек длиной примерно в два фута. С замиранием сердца я открыл крышку. Внутри оказались три маленькие металлические коробочки, закрытые на замок. На каждой была восковая папская печать. Я понял – это именно то, что мы искали. Фатимские письма.

Отец Марк присел на корточки рядом со мной, от него сильно несло бурбоном. Под каждой из печатей на латыни было написано: «Первое письмо», «Второе письмо», «Третье письмо».

Меня трясло, дыхание стало тяжелым. Я схватил коробку, помеченную как «Третье письмо»...

Послышался какой-то шум или стук двери. Мне он показался оглушительным грохотом. Я едва не уронил шкатулку. Откуда исходил этот звук?

Отец Марк выключил фонарик, я последовал его примеру.

– Давай приберемся здесь! – прошептал я.

Мы положили все обратно в сейф, за исключением третьей шкатулки, которую я убрал в ящик стола. Я осторожно закрыл сейф, отец Марк указал на шкаф, находившийся в противоположной от стола стороне комнаты. Кивнув, я поднял вверх большой и указательный палец и жестом показал, словно закрываю замок. Кажется, он меня понял. Я подбежал к двери и закрыл замок изнутри.

Не успел я спрятаться в шкафу, как в коридоре послышались шаги и голоса. Внутри было тесновато. Мы с отцом Марком приникли к щели между створками шкафа.

Дверь в комнату открылась. Два голоса что-то горячо обсуждали по-итальянски. Я сам неплохо знаю итальянский, но они разговаривали слишком быстро. Я мог уловить значение лишь некоторых фраз. Кажется, они удивлялись тому, что заметили в здании свет, хотя на тре-

тьем этаже никого не должно было быть. А теперь свет исчез. Сквозь щель я мог просматривать пространство от окна до стола и видел их лишь мельком.

Я был уверен, что они слышат, как билось мое сердце. Отец Марк сжал мне руку, словно пытаюсь успокоить меня.

Люди подошли к шкафу. Один из них потянулся к дверной ручке, но затем второй что-то сказал, и тот убрал руку.

После того, как они покинули комнату, мы подождали еще полчаса. Затем вышли, уставшие, с затекшими мышцами. Мои ладони были влажными, когда я взял в руки шкатулку. Мы с отцом Марком поспешили вниз, но не стали выходить через главный вход, а покинули здание через запасной выход, куда доставляли крупные посылки. На улице мы молча кивнули друг другу и разошлись в разные стороны.

Дознаватель: Немного умения и большое везение. Мне приходилось участвовать в подобных операциях. Что случилось дальше?

Отец Рейли: Когда я вернулся в свою квартиру, было три часа ночи. Я положил шкатулку на кровать. Руки у меня дрожали. Я глубоко вздохнул и вставил кончик отвертки в примитивный замок. Нажал со всей силы, и он со звоном отлетел к стене.

Внутри лежало сложенное письмо, состоявшее из трех листков тонкой бумаги. Я разложил их на кровати. Один из листков оказался оригинальным письмом на португальском. На другом был перевод на английский.

Кровь агнца окропит живые души, чтобы продолжилась битва, что ведется от имени Божьей Церкви за души и их спасение. Мы узрели грустную картину: зло, творимое отчаявшимися и греховными созданиями, которых родили засушливые земли, где не должно быть жизни. Погубленные души, которых скрывает тьма, порожденная этими созданиями, не ведающими света, забирают кровь агнца и должны быть изничтожены. Эти создания обнажают свои зубы, изрыгая презрение ко всему доброму и святому, своими порочными словами и деяниями сотрясая основы католической церкви. Они скалят зубы, чтобы пить у святого агнца блаженную кровь, что смывает грехи этих созданий и возродит нас к новой жизни в объятиях Господа.

Мысли путались у меня в голове. В письме было предупреждение об оскаленных зубах. О похищенных душах. Я чувствовал, как бешено колотится мое сердце. Это было предупреждение от Святой Матери о тех людях – Сумеречных – ведущих нашу цивилизацию к гибели.

Дознаватель: Понятно. Вы дословно передали содержание?

Отец Рейли: Абсолютно.

Дознаватель: Да, вот только из-за одного старинного текста никто не становится террористом...

Отец Рейли: Я не согласен с этим определением.

Дознаватель: Хорошо. Поясните. Наверняка, вы еще не все мне рассказали.

Отец Рейли: Когда бывший президент Соединенных штатов возродился, мой мир начал распадаться на части.

Это событие изменило все правила игры. О его возрождении день и ночь рассказывали в новостях. Политики, комментаторы и даже ученые – все строили теории о том, что бы это могло значить для общества. Всем было интересно, кто из Сумеречных возродил его – как будто это имело какое-то значение! Все интернет-сайты, посвященные звездным сплетням, вывешивали список знаменитых Сумеречных, которые могли быть к этому причастны.

Для меня кульминация наступила, когда в прошлом году меня отправили на конгресс по кураторству католической церкви, который проходил в Далласе. Это было ежегодное собрание, посвященное координации религиозных, образовательных и социально-политических вопросов, с которыми сталкивалась католическая церковь за текущий год. Его посетили высокопоставленные епископы и другое высшее духовенство. На конференции также присутствовало много мирян с детьми, для которых проводились различные семейные мероприятия.

Я сделал пересадку в Чикаго и в течение двух часов наблюдал за другими участниками конференции, которые вместе со мной дожидались посадки на рейс. Студенты из колледжа молились и весело смеялись, молодые пары играли со своими маленькими детьми, священники отдыхали от долгой поездки.

Я ощущал, как мою грудь переполняет радостное предвкушение – я давно уже не участвовал в мероприятиях, где так важно было чувство единения среди верующих.

Затем был великолепный отель «Хилтон» в Далласе, в роскошном фойе которого участники конференции могли расслабиться в умиротворяющей атмосфере. Первый день я выступал с презентацией Ватиканской библиотеки и рассказывал о проекте по переводу многочисленных книг и манускриптов в цифровой формат. После этого я сидел в кафе отеля и обсуждал с другими священнослужителями проблемы духовного характера, с которыми придется иметь дело церкви в обозримом будущем.

Когда на следующий день организаторы добавили в программу праздничный вечер, я ожидал, что это будет мероприятие для участников конференции, поскольку официальную программу никто не предоставил, да и сам вечер не особенно афишировался. Войдя в конференц-зал, я почувствовал, что воздух наполнен атмосферой тревоги и ожидания.

Я был потрясен, узнав, что на самом деле этот вечер был организован для встречи с Сумеречными-католиками.

И не просто с Сумеречными-католиками. Они были еще и священниками!

Я был в ужасе. Я лично никогда не встречался с Сумеречными. Церковь ничего не сообщала о подобных случаях и возрождениях священников. Их оказалось двое: оба высокие, хорошо сложенные, с аккуратно постриженными седыми волосами и в одежде идеального кроя. Я тут же почувствовал негативную энергию, исходящую от них. Однако, мне показалось, что я был единственным, кто отреагировал подобным образом.

Остальные с улыбками на лицах выстроились в ряд, чтобы поприветствовать Сумеречных. Сами же Сумеречные расхваливали преимущества возрождения, будто речь шла о библейском воскрешении из мертвых. Я слышал, как один из них цитировал Евангелие от Иоанна – главу 11, стих 25, сравнивая возрождение с «воскрешением». Другой же ссылаясь на Евангелие от Матфея – на главу 10, стих 8, говоря о том, что «воскрес из мертвых».

Эти сравнения не вызвали во мне ничего, кроме чувства стыда, но аудитория слушала их как загипнотизированная.

Я в ужасе наблюдал за тем, как развивались события в этот вечер и задавался вопросом, что бы подумал об этих созданиях мой отец. Человек, который на коленях поднимался по лестнице, который расценивал свой поступок как проявление смирения, а не стремления к славе. Нет, не таков был истинный путь моей церкви.

Я пробыл там минут пятнадцать, прежде чем понял, что физически не могу находиться в одном помещении с Сумеречными. То, что я совершенно не знал Далласа, не помешало мне выйти на улицу и прогуляться от отеля до района Дип-Эллум, где располагались многочисленные

ные рестораны и ночные клубы. Мимо меня постоянно проходили группы молодых людей, они смеялись и что-то громко обсуждали. Я сел на край тротуара, стал наблюдать за этими красивыми беззаботными людьми и размышлять о будущем человечества, которое в одно мгновение ради жажды крови может быть превращено в нечто иное. Той ночью я не спал, бродил по темным переулкам и бедным кварталам. Я сидел среди бездомных, которые копались в мусорных баках и спали в картонных коробках. Я думал и о них тоже, о том, как их могут использовать в качестве разменной монеты для голодной популяции.

Как мог я после этого просто вернуться в Ватикан и продолжить сканировать книги?

Дознаватель: Как это повлияло на вашу работу в Риме?

Отец Рейли: Когда я вернулся в Рим, поползли слухи. Разумеется, я отказывался верить в них, настолько они были абсурдными. Немыслимыми. Подобные сведения противоречили всем тем принципам, которые мы считаем непреложными.

Но слухи продолжали распространяться с небывалой настойчивостью.

Пресс-служба Ватикана уходила от ответа. Это сводило меня с ума. Проверьте их! Скажите нет!

Я помню, как в тот четверг проснулся от звонка телефона. Ватикан объявил, что Папа Виктор II сделает вечером важное сообщение.

В тот день в Интернете разразилось настоящее безумие. Утверждалось, что слухи были на самом деле официальной информацией, и что Папа непременно объявит о своем возрождении. Все это расплзлось по сети, словно ядовитая виноградная лоза. Ватикан был охвачен паникой и дурными предчувствиями. В тот день никто не мог набраться мужества и заставить себя работать. Повсюду в Ватикане рабочие и священники собирались небольшими группами и перешептывались о грядущем заявлении. Многие находились в церквях и молились.

Я провел весь день в состоянии мандража. В глубине души я знал, что Святой отец не мог пройти процесс возрождения.

Он не стал бы этого делать.

Или же... стал?

Вечером в назначенный час Папа созвал аудиенцию в Папском зале Ватикана, а не вышел как обычно на балкон. Он не допустил в зал тележурналистов с камерами. Меня это немного встревожило: всем было известно, что от Сумеречных явно исходило пока не исследованное электромагнитное излучение, и это приводило к сбоям при попытке записать их на аудио- или видеоносители. Эти эфирные помехи не позволяли запечатлеть их с помощью какого бы то ни было оборудования.

Снаружи на площади весь день толпился народ, но я решил остаться в своей комнате. Папа Виктор II объявил, что кардинал Александр Наро, префект Конгрегации доктрины веры – самого влиятельного учреждения в Ватикане – был возрожден.

Я чувствовал, как слезы стекают по моему лицу, и мне было стыдно осознавать это. Не знаю, были ли это слезы облегчения, что возрождению подвергся не Папа, или же сожаление по поводу кардинала Наро. Объяснения кардинала опустошили меня: он говорил, что хотел бы стать священником для этих новых существ, хотел, чтобы они пришли в церковь, стремился показать, что мы все являемся одними и теми же созданиями. Он хотел, чтобы люди стали более открытыми по отношению друг к другу, и чтобы у него было как можно больше времени для достижения этих целей – во имя Церкви и Господа нашего.

Мне оставалось только горевать, скорбеть и поститься. Но затем на смену горю пришло замешательство.

А потом – гнев.

Кардинал был слишком близок к Папе. Он имел огромное влияние на церковь. Именно об этом предупреждало третье письмо.

Мне нужна была помощь среди высшего духовенства. Тот, кто отважился бы сражаться за веру. Я собрал свои немногочисленные вещи, взял письмо, которое, к моему огромному изумлению, до сих пор не начали разыскивать, и купил билет на самолет.

Дознаватель: Куда?

Отец Рейли: Обратно в США. По прилете я взял такси, и всю дорогу водитель только и говорил, что о кровопийцах – Сумеречных. Теперь лиги НБА и НФЛ планировали принять в свои ряды представителей нового вида и размышляли о том, как адаптировать их показатели к медицинским требованиям. И это несмотря на то, что неизбежно возникли бы сложности при проведении телерепортажей, поскольку камеры не могли записывать изображение с Сумеречными. Люди до сих пор покупались на этот фарс, граничащий с коллективным помешательством.

Я прибыл в пункт моего назначения около полуночи. Сначала я хотел снять на ночь номер в отеле, но дело казалось мне настолько срочным, что я не мог медлить. Я постучал в дверь сторожа, мне открыла женщина. Ее лицо нельзя было назвать дружелюбным.

– Меня зовут отец Джон Рейли, – сказал я ей. – Я иезуит, служил в архиве Ватикана. А здесь я по делам чрезвычайной важности и должен немедленно увидеть епископа Лоуренса Томаса.

Дознаватель: Уверен, вас не удивит мой вопрос, а нам очень интересно знать, как прошла ваша первая встреча с епископом.

Отец Рейли: Женщина жестом указала в сторону пустыни, где молился епископ Томас. Солнце еще не взошло, и воздух в пустыне был прохладным. Я осветил окрестности фонариком и, кажется, нашел нужные мне следы. Но на всякий случай шепотом прочитал молитву. Путь был долгим и утомительным, я лихорадочно водил туда-сюда фонариком, пытаюсь разглядеть змей и других опасных тварей, когда в кустах раздавался шелест, но ничто не могло заставить меня свернуть с пути.

Через пару часов я весь покрылся потом и тяжело дышал. Небо стало постепенно светлеть. А затем... и в этом было нечто странное... Я поднял глаза и увидел слабое свечение на склоне холма. Я подумал, что разум играет со мной злую шутку.

Прошел еще час, и я, наконец, приблизился к источнику света. Икры ног болели, и мне с трудом удавалось пробираться вперед. Я ссутулился, голова клонилась к земле. С каждым неуверенным шагом, с каждым судорожным вздохом на землю падали капли пота и слюны. В этот момент я понял, что чувствовал отец, взбираясь по ступеням к часовне. Но мне это не приносило ни удовлетворения, ни облегчения. Еще полчаса я брел, не чувствуя ног, пока не достиг источника сияния, оказавшегося большой мерцающей свечой, которая была воткнута в песок около входа в пещеру. Я вошел внутрь. В глубине я увидел человека в монашеском одеянии, преклонившего колени на самодельную скамью из дерева и брезента. Он сидел спиной ко мне перед алтарем, на котором были разложены четки, скапулярий и изображения святых.

Я тоже начал молиться, пока, наконец, в пещере не послышался его голос:

– Надеюсь, вы здесь не за тем, чтобы ограбить меня.

Я на секунду замер, прежде чем ответить:

– Епископ Томас, прошу прощения. Меня зовут отец Джон Рейли. Я иезуит, служу в архиве Ватикана, и мне нужно поговорить с вами по очень важному делу.

Епископ Томас встал и повернулся ко мне. В полумраке его изможденные черты еще больше заострились, а тело выглядело таким худым, что казалось, случайный порыв ветра мог свалить его с ног.

– Вы здесь из-за тех кровососов, не так ли?

Глава 5

10 февраля *Через девять месяцев после обнаружения вируса НОЗК*
Комитет по национальной безопасности Палаты представителей Конгресса США

Первая сессия заседания Конгресса сто семнадцатого созыва
Серийный номер 117–20

Встреча подкомитета, согласно регламенту, состоялась в девять часов утра в комнате 225 в офисном здании Кэнон-Хаус. Председательствовал почтенный Джеймс Керр (председатель комитета).

Присутствовали представители: Дункан, Джервин, Гилмор, Мартин, Гонсалес, Брэйди, Джонсон, Вашингтон и Лесли.

МИСТЕР КЕРР:

Комитет по национальной безопасности начинает заседание. Наш первый докладчик – доктор Лорен Скотт, младший научный сотрудник исследовательского подразделения Центра по профилактике и контролю заболеваемости. Добро пожаловать, доктор Скотт.

ДОКТОР СКОТТ:

Спасибо. Спасибо. Ммм, да. Спасибо...

МИСТЕР КЕРР:

Сегодняшнее заседание Комитета посвящено очень важному вопросу, связанному с вирусом НОЗК и его воздействием на здоровье населения, а также на безопасность и экономику страны. Эти слушания помогут нам выяснить, насколько мы готовы к возможному распространению вируса НОЗК в течение следующего года, а также определить, какие действия по обеспечению здоровья населения должны быть приняты в случае серьезных вспышек заболевания. Наши докладчики проинформируют комитет о перспективах на будущее и о том, какие законодательные акты, на их взгляд, должны быть рассмотрены.

Вирус НОЗК вызывает серьезные опасения у американцев по ряду причин. Он является неизлечимым, способы его передачи не до конца ясны, он обладает потенциалом к быстрому распространению по всему миру в условиях всеобщей глобализации, а кроме того, до сих пор неизвестно, какое влияние он способен оказать на наше общество. Если эта болезнь аналогична СПИДу или лихорадке Эбола, результат может быть катастрофическим для наших граждан и ключевых объектов инфраструктуры.

К счастью, есть информация о том, что НОЗК не передается с такой же легкостью, как Эбола или атипичная пневмония, и органы здравоохранения прилагают все усилия по сдерживанию вируса. С другой стороны, остается ряд вопросов, связанных с возможным развитием эпидемии, на которые мы пока не знаем ответов. Способны ли мы справиться с инфекцией, если масштабы заражения будут расти, удастся ли нам изолировать и вылечить заболевших? Готовы ли к этому наши больницы? Располагают ли наши врачи достаточной информацией для борьбы с заболеванием? И какие существуют пробелы в местном и международном мониторинге? Сможем ли мы разработать вакцины и средства для лечения? Есть ли у нас финансовые ресурсы? Какое влияние могут оказать зараженные вирусом НОЗК люди на население страны?

К счастью, вирус НОЗК, по нашей информации, пока распространяется только на территории Соединенных Штатов.

Я надеюсь, что эти слушания помогут нам развеять многие тревожные мифы об этом заболевании.

Чтобы выслушать различные точки зрения, Комитет пытался пригласить граждан из числа Сумеречных выступить сегодня, однако нам не удалось найти желающих. Я хочу поблагодарить докладчиков, которые согласились дать свои показания.

Доктор Скотт?

ДОКТОР СКОТТ:

Еще раз спасибо. Я... я рада, что нахожусь здесь... что выступаю перед уважаемым Комитетом.

Вы всегда поддерживали Центр профилактики и контроля заболеваемости и наше здравоохранение. И мы признательны вам за то, что вы нашли время изучить проблему вируса НОЗК, особенно на местном уровне, где наши попытки в изучении этого вируса в ближайшее время могут увенчаться успехом. И несмотря на то, что значительная часть работы еще впереди, я хотела бы коротко рассказать о том, насколько мы продвинулись в наших исследованиях этого вируса. А также я надеюсь, что смогу развеять многочисленные мифы, которые возникли об этой болезни и которые так подробно освещались в средствах массовой информации и особенно в Интернете.

Я не стану вдаваться в подробности истории обнаружения этого вируса, вы все прекрасно осведомлены о том, как мы вместе с представителями полицейского департамента Ногалеса нашли Лизу Соул.

В отличие от остальных заболеваний, вроде атипичной пневмонии или птичьего гриппа, инфицирование НОЗК происходит на добровольной основе. Таким образом, в данном случае нет никакой необходимости предупреждать об опасности въезжающих в страну. Мы не зафиксировали ни одного случая пассивной передачи болезни. И хотя в определенные дни и месяцы число зафиксированных случаев заболевания значительно возрастало, мы пока не установили, с чем именно это связано. Интересно, что у нас до сих пор нет никаких подтверждений, что этот вирус является зоонозным, то есть передающимся человеку от носителя-животного. Техасский университет в Остине использует передовые методы для обнаружения НОЗК, в том числе методику выращивания клеток, но пока мы не добились существенного прогресса в разработке диагностических тестов на НОЗК. Кроме того, в результате обращений отдельных граждан, университет сократил свои исследования по ДНК заболевших и созданию рекомбинантной вакцины в связи с возникшими проблемами этического характера.

Еще одна проблема заключается в том, что сектор здравоохранения вынужден иметь дело с многочисленными случаями заболеваний, о которых не было заявлено. Мы предполагаем, что некоторые находят особое удовольствие в том, чтобы не заявлять о своем заражении. Вследствие этого у нас нет информации о нетипичных формах заболевания, вызванного вирусом НОЗК, и это отличает данную болезнь от других инфекционных заболеваний, имеющих определенный процент нетипичных форм. Мы все еще не знаем, какое воздействие оказывает вирус на генную структуру зараженных людей. И не исключено, что именно по этой причине у одних процесс «возрождения» проходит успешно, а у других – нет.

Хотелось бы отметить, что я как профессионал в области медицины предпочитаю использовать термин «инфекция», когда речь заходит о внедрении в кровь биологического материала, который мы теперь называем вирусом НОЗК. Мне не нравится термин «возрождение», так как он подразумевает положительный результат, однако мы обладаем явным доказательством того, что успешные случаи так называемого *возрождения* составляют примерно около пятидесяти процентов. Необходимо, чтобы специалисты в области здравоохранения получали доступ к телам людей, чье возрождение не было успешным, это поможет лучше понять все нюансы заболевания.

Иными словами, когда Сумеречные заражают людей, не являющихся носителями НОЗК, шанс, что инфицированный выживет и станет Сумеречным, составляет примерно пятьдесят процентов. Возрождение – это миф, который я не собираюсь идеализировать.

На сегодняшний день, по нашим оценкам, было заявлено примерно о тысяче случаев заражения вирусом НОЗК. Мы не можем оценить точное количество носителей вируса, поскольку не нашли пока приемлемых средств для осуществления учета всех тех, кто идентифицирует себя как Сумеречные. Еще одним тревожным аспектом является тот факт, что постоянно поступают сообщения от органов правопорядка о загадочных смертях лиц, находящихся в близком контакте с Сумеречными.

Что же касается механизма развития заболевания, то здесь мы до сих пор не располагаем достаточной информацией. Нам известно, что вирус поражает дендритные клетки и уничтожает Т-лимфоциты, однако это не оказывает ощутимого действия на организм зараженного. Затем вирус производит неизвестный ранее тип белка, который блокирует иммунные клетки, не позволяя им передать сигнал антителам, чтобы те атаковали вирус. В тот же момент вирус начинает самовоспроизводиться и менять внутреннюю структуру тела. Многие вирусы способны препятствовать действию интерферона в организме, но вирус НОЗК способен изменить структуру интерферона. На этом наши знания о заболевании заканчиваются. Я понимаю, что Конгресс сомневается в нашей способности составить полную карту генома этого вируса, как было сделано с другими вирусами⁶. Что касается вируса НОЗК – хоть он и не обладает полноразмерным вирусным геномом – то частота мутации генома штамма, полученного у Соул в Ногалесе, составляет 1.5×10^{-3} мутаций / на один нуклеотид / на одну геномную репликацию. Это эквивалентно от пятнадцати до тридцати пяти мутациям в каждом геноме. Следовательно, процесс развивается слишком стремительно, чтобы выявить определенные сублинии клеток во время эпидемии. Что касается вируса, то он достаточно умеренно эволюционирует на эпидемиологическом уровне, но изменяется на уровне своего носителя. Оборудование и программное обеспечение, которым мы в данный момент располагаем, неспособно проанализировать вирус в полной мере.

В данный момент органы здравоохранения, врачи, медсестры, ученые и юристы, а также сотрудники лабораторий по всей стране борются с вирусом НОЗК, в то время как некоторые все еще продолжают верить, что вирус удастся сдержать. Экономисты и рыночные аналитики сообщают стараются подсчитать текущие и будущие расходы. Еще один мало освещаемый в прессе аспект в связи с данным заболеванием заключается в том, что крупные фармацевтические компании не хотят заниматься исследованием вируса. Ряд высших учебных заведений отказался проводить исследования вируса НОЗК, несмотря на то, что федеральное правительство выделяло на это значительные гранты. В результате, наше медицинское сообщество испытывает серьезные проблемы с кадрами для исследовательской работы и вынуждено проводить исследования в более скромных масштабах без надлежащего оборудования, которым располагают крупные игроки на рынке научной медицины.

Еще одной особенностью вируса, затрудняющей наши возможности адекватно проанализировать заболевание, является то, что большинство микроскопов не может исследовать частицы из-за содержащихся в них радиоактивных элементов, которые приводят к сбоям в работе оборудования.

От вируса НОЗК нет вакцины, и нет препаратов для лечения этого заболевания. В связи с этим органы здравоохранения вынуждены прибегать к средствам, которые использовались на заре зарождения микробиологии: изоляции и карантину. В то же время мы ведем борьбу

⁶ Секвенирование генома рекомендуется к проведению во время вспышек заболеваемости, чтобы охарактеризовать возбудителя инфекции и определить скорость его эволюционного процесса. Кроме того, секвенирование генома позволяет идентифицировать отличительные особенности адаптации организма носителя вируса, установить диагноз, а также выявить реакции на вакцины и медикаменты. – Журнал «Нейчер» № 530, 1996 год, стр. 228–232. 10.1038/nature16996

с некоторыми средствами массовой информации, которые пытаются идеализировать болезнь. Впрочем, эти старания безуспешны, поскольку нынешние законы ограничивают наши действия в случаях, связанных с подобными заболеваниями. Попытки средств массовой информации идеализировать болезнь мешают нашим усилиям узнать о ней больше. Кроме того, замкнутый, клановый образ жизни Сумеречных не позволяет нашим учреждениям здравоохранения должным образом изучить вирус.

В случаях с инфекциями вроде вируса НОЗК более всего нас пугает тенденция к тому, что он может мутировать в форму, которая нанесет еще больший вред нашей системе здравоохранения и всему обществу, в целом. Кроме того, нас волнует тот факт, что в результате заболевания носитель вируса становится радиоактивным. Этот факт также должен быть изучен с точки зрения долговременного воздействия на окружающую среду. Новизна вируса НОЗК явилась причиной того, что в ответ на попытку его сдерживания многие люди захотели быть инфицированными. Желание стать Сумеречными приводит к тому, что граждане рискуют оказаться жертвами неудачного процесса возрождения, или же в случае успешного возрождения возникает риск, что их организмы будут подвергнуты долговременному воздействию вируса.

Еще одной особенностью вируса НОЗК является тот факт, что зараженные люди испытывают желание или потребность поглощать кровь в целях выживания. Однако без сотрудничества с Сумеречными любые полученные нами данные являются лишь абстрактными умозаключениями. Должны ли Сумеречные поглощать исключительно человеческую кровь, или для их питания подходят и другие типы крови? Это необходимо выяснить, чтобы понять, могут ли Сумеречные безопасно интегрироваться в общество.

Центр профилактики и контроля заболеваемости вместе со своими партнерами продолжает мониторинг ситуации с вирусом НОЗК. Я лишь представила вам актуальную картину, которая сложилась в стране на текущий момент.

Надеюсь, во время слушаний будут выявлены все успехи и проблемы, с которыми наша система здравоохранения сталкивается в борьбе с этим и другими заболеваниями.

Спасибо вам, господин председатель и представители Комитета.

МИСТЕР КЕРР:

Спасибо, доктор Скотт. Наш офис продолжит следить за работой над программами Центра ПКЗ посредством профилактических проверок, ревизий и административных расследований.

А теперь выступит доктор Чад Келли из Северо-западной мемориальной больницы в Чикаго и расскажет о том, как в этой больнице проводится лечение инфицированных вирусом НОЗК...

Журнал «Роллинг Стоун». Ноябрь

Каждый месяц журнал «Роллинг Стоун» публикует рассказы людей, которые лично были свидетелями конфликтов, мало освещаемых крупными средствами массовой информации. Сегодня мы представляем рассказ врача, работающего в лагере беженцев в Южном Судане. Мы узнаем, что случилось после того, как лагерь подвергся нападению отряда боевиков из соседнего региона.

Доктор Кит Миллер из международной гуманитарной медицинской организации «Врачи без границ»

Когда я приехал в лагерь беженцев Герба, доктор Генри и доктор Брэдфорд – эти двое из десяти сотрудников гуманитарной миссии являются Сумеречными – провели меня по лагерю, который находился в ужасающем состоянии. Самодельные брезентовые палатки были натя-

нуты с помощью деревянных колышков, через весь лагерь тянулась траншея в три фута глубиной, игравшая роль временной канализационной системы.

Благодаря Сумеречным лагерь беженцев буквально преобразился. Они много работают по ночам, поскольку ограничены в активной деятельности в дневное время суток. Им удалось организовать помещение для вакцинации и приема врачами больных, они помогли выкопать колодец для отходов, что реально снизило уровень заболеваемости. Доктор Генри провел исследования и разработал безопасные химические вещества, которые были помещены в канаву, куда сбрасывались продукты человеческой жизнедеятельности. Не ведая усталости, они работали намного больше всех нас.

Мы были застигнуты врасплох, когда посол ООН в республике Чад позвонил нашему руководству южноафриканского филиала: миротворцы в Северном Судане заметили колонну, состоящую примерно из двух тысяч солдат Народно-освободительной армии, двигавшуюся в сторону лагеря беженцев. Солдаты должны были добраться до нас примерно через два дня. Организация «Врачи без границ» связалась с представителями миротворческих сил ООН в соседних государствах, но им сообщили, что сначала они должны получить одобрение Совета Безопасности. Этот процесс мог продлиться несколько месяцев.

Доктор Генри связался с Советом Сумеречных, и в течение двадцати четырех часов был собран отряд наемников, которые на месяц задержали продвижение колонны, а затем армии Соединенных Штатов и Франции разгромили боевиков и не позволили им атаковать беженцев. Совет Сумеречных и работающие в нашей организации Сумеречные спасли тысячи жизней.

Когда меня спрашивают, что я думаю о Сумеречных, я рассказываю эту историю и надеюсь, что и другие люди смогут понять и разделить мои надежды на то, что в будущем Сумеречные будут вовлечены во все области нашей жизни.

Глава 6

15 сентября *Через шестнадцать месяцев после обнаружения вируса НОЗК*
Хьюго Зумтор
Агент ФБР

Гоняться за призраками нелегко. Особенно за теми, кто больше, сильнее и быстрее тебя. Но именно этим я занимаюсь уже долгое время. Но как так вышло, что призраки подменили себя вампирами? Пока-пока, кровососы-неудачники!

Кстати, я был в группе захвата при задержании Лизы Соул и вел расследование ее дела. Я много общался с доктором Лорен Скотт из Центра ПКЗ, чтобы больше узнать о вирусе НОЗК и о том, какое влияние он оказывает на организмы носителей. Нашему агентству необходимо было узнать о рисках при взаимодействии с вирусом. Получив информацию от Лорен, я посоветовал приставить к Лизе Соул большой отряд охраны, пока она находилась в больнице. Но мое начальство отказало мне, и в результате она, разумеется, сбежала.

В самом начале, когда только стали появляться Сумеречные, у нас в ФБР не было отдела, который работал бы исключительно с ними. Дело сдвинулось с мертвой точки лишь после случая с похищением предметов искусства. Только после этого в ФБР решили, что нужна группа, которая займется расследованием преступлений с участием Сумеречных.

После дела Лизы Соул и еще ряда связанных с ним расследований меня стали считать чуть ли не самым главным экспертом⁷ по преступлениям, совершенным Сумеречными. Поэтому когда поступило сообщение о краже в Блэнтонском художественном музее, расположенном в кампусе Техасского университета, меня командировали в Остин помогать расследованию.

Наш старший специальный агент получил сообщение о том, что в кампусе, точнее, в Блэнтонском художественном музее, совершена кража. Обычно мы не занимаемся подобными преступлениями, однако один из местных агентов ФБР захватил на место преступления счетчик Гейгера, и обнаружилось, что показатели радиации просто зашкаливают. Поэтому в местном офисе в причастности к краже заподозрили Сумеречных.

Художественный музей имени Джека С. Блэнтон находится в кампусе Техасского университета в Остине. На территории кампуса, расположенного среди зеленых лугов и холмов центрального Техаса, было очень красиво. Сам музей считается одним из самых больших университетских музеев искусств и обладает обширной постоянной экспозицией и многочисленными фондами. Музей находится в грандиозном современном здании из гранита и известняка, он окружен аккуратно подстриженными лужайками и утопает в тени pekanовых деревьев.

В момент ограбления в музее проходила выставка под названием: «Харинг, Уорхол и зарождение стрит-арта». На выставке были представлены работы, в основном, начиная с 80-х годов, преимущественно абстрактные иллюстрации на политическую тематику, выполненные в кричащих красках и содержащие нелепые послания.

В коллекции было несколько ценных полотен, но вор или воров взяли лишь одну картину: «Без названия (Мадонна, мне не стыдно)», созданную в 1985 году Энди Уорхолом и Китом Харингом. Картина была написана на холсте размером двадцать на шестнадцать дюймов акриловыми красками и люминесцентной краской «Дейгло».

На тот момент у ФБР не было ни малейших соображений, почему украли именно эту картину. По мнению некоторых экспертов, работы Лихтенштейна или Баскии представляют

⁷ См. Приложение 3.

гораздо большую ценность, а у грабителей было достаточно времени, чтобы похитить сколько угодно картин, однако они забрали только «Мадонну».

Когда я прибыл на место, у музея толпились копы и музейные работники, у всех на лицах было волнение, практически паника. Без сомнения, представители фондов Харинга и Уорхола, а также сновавшие по этажам музея страховые следователи успели уже всех завести. Был знойный июльский день, я вышел из машины, которую поставил рядом с желтой лентой, преграждавшей вход в музей, и почувствовал, как пот струится по моим ногам. В кампусе был явный переизбыток охраны: новые сотрудники дежурили на всех этажах шестнадцатизэтажного здания студенческого общежития, а также в других строениях, где проводились занятия.

Специальный агент Дана Уэбб из оперативного штаба Остина провела меня в выставочный зал.

– Именно здесь и проходила выставка, – сказала она, – в трех больших залах на первом этаже.

Группа криминалистов сосредоточенно изучала каждый дюйм выцветшего прямоугольника на стене между картинами Баскии и Раушенберга.

– Вот тут она висела, – продолжала Уэбб, показывая на пустую стену и слегка пожимая плечами.

Кажется, выражение моего лица было на редкость красноречивым.

– Вы не любите современное искусство? – поинтересовалась Уэбб.

Я поморщился, словно терзаемый угрызениями совести, но я ведь и правда не люблю его.

– У меня совершенно особое, неоднозначное отношение к изобразительному искусству.

Столько деньжищ платят за картины, которые может нарисовать даже ребенок. Это все равно, что показывать средний палец всем беднякам.

– Что ж, это пустое место на стене – тот самый средний палец, показанный нам с вами, – заметила Уэбб.

Я кивнул. Было уже ясно, что на этой стене нам вряд ли удастся что-то найти.

– Прежде чем мы перейдем к обстоятельствам кражи, объясните мне принцип работы охранной системы.

Мы с Уэбб первым делом изучили, как в музее обстояли дела с безопасностью. Главное помещение для охраны располагалось в подвале. На основании регламента, который мне прислали из Комитета по вопросам безопасности Американского объединения музеев⁸, я сделал вывод, что здесь были довольно жесткие (для университетского музея) требования к охране.

Судя по всему, грабитель или грабители проникли через единственный служебный вход, располагавшийся в северо-западной части музея. Железная дверь была открыта снаружи дубликатом ключа, который, вероятно, украли за день до этого, но выяснилось это только после ограбления.

⁸ Пост охраны был оснащен кнопкой аварийного сигнала на случай проникновения в здание музея. Система безопасности отвечала всем стандартам в соответствии с требованиями, определенными компанией по стандартизации и сертификации в области техники безопасности «Underwrites Laboratories», пункт 827 – стандарты для центральных станций охранной сигнализации. Каждая дверь музея была оборудована магнитным переключателем, оповещавшим охрану об открытии дверей, которые должны были оставаться закрытыми. Все окна – ни одно из них не могло быть открыто – были оснащены электромагнитными переключателями, фиксирующими всякое движение снаружи. Также на окнах были установлены пространственные датчики для обнаружения движения, которые фиксировали любую попытку проникнуть внутрь. Все системы сигнализации соответствовали существующим стандартам. Включая систему, которая в случае попытки перерезать провода, повредить или устранить устройство для обнаружения, вывести систему из строя или спровоцировать короткое замыкание, немедленно посылала сигналы на станцию мониторинга и в полицию. Каждые двадцать квадратных метров помещения были оснащены датчиками движения, которые приводились в действие после закрытия музея. Трубопроводы также были оборудованы датчиками. На дверях в выставочный зал были установлены мониторы для обнаружения несанкционированных проникновений. К сожалению, в отличие от многих ценных экспонатов, представленных в постоянной экспозиции музея, отдельные картины на этой выставке не были оснащены сигнализацией. Доступ ко всем дверям в музее, кроме подвала, осуществлялся с помощью электронной карты доступа, а не на основе биометрических данных. Скрытые камеры также были установлены в каждом помещении и снаружи и просматривали каждый квадратный метр выставочного пространства музея.

Затем меня отвели в помещение для охраны в подвале музея. Из сотрудников музея доступ туда имели только директор и два его ассистента. Комната была освещена мощными флуоресцентными лампами и многочисленными мониторами, на которые поступало изображение, записанное камерами видеонаблюдения. Я сел за стол, ассистент включил повторное воспроизведение, и мы стали изучать записи, сделанные во время ограбления уличными камерами, установленными на территории университета. Присутствовавшие на записях помехи, по моим наблюдениям, соответствовали тем, которые возникали при попытке записать на видео Сумеречных. Дальнейшее исследование, проведенное в лаборатории ФБР, подтвердило мои подозрения.

На видеозаписи камеры, которая снимала дорогу, ведущую к служебному входу в музей, за час до и после совершения ограбления никаких транспортных средств замечено не было. Я запросил записи со всех камер, находящихся на расстоянии мили вокруг музея. Охрана университета предоставила нам доступ к базе данных всех видеозаписей, сделанных на данной территории. Через час работы я заметил автомобиль на пустой парковке около здания философского факультета. Это был черный «Мерседес» последней модели с тонированными стеклами. Такое авто идеально подходило для Сумеречных.

С «Мерседеса» были сняты номера, а изучение с помощью портативного счетчика Гейгера ведущих от машины следов привело нас в выставочный зал на первом этаже музея к пустому месту на стене.

Если честно, то на месте преступления я не нашел никаких подсказок, кроме одной – преступление совершили Сумеречные. Но ведь это было только начало! Я чувствовал, что агент Уэбб не сводит с меня глаз, пока я изучал пустой прямоугольник на стене.

– Есть какие-нибудь идеи? – спросила она, надевая пиджак – если честно, то в музее было холодно, почти морозно. Она наклонилась – от нее пахло домашним пивом и сигаретами с корицей. Кажется, у нас с ней было много общего.

– На этом чертовом месте преступления мы вряд ли что-нибудь найдем, – ответил я.

– Может, удастся как-нибудь восстановить видеозаписи? – спросила Уэбб.

Я лишь покачал головой.

– Мы пытались, и не раз, но криминалистам и консультантам, которых мы привлекали со стороны, не удавалось чего-либо добиться. Излучение, исходящее от них, уничтожает видеозаписи.

Если честно, то я не чувствовал уверенности, что мне удастся раскрыть это дело. Мне уже приходилось бывать на местах преступлений, в совершении которых подозревали Сумеречных. В основном это были ограбления богатых домов, но с кражей из музея я сталкивался впервые. Единственное, что было общего у всех этих преступлений, это ноль процентов раскрываемости.

– Мы должны проследить за тем «Мерседесом», – предложила Уэбб.

Затем мы попытались составить предположительный маршрут перемещения автомобиля. Как я и предполагал, после работы с местной полицией выяснилось, что все камеры, установленные на коммерческих зданиях на близлежащей территории, были выведены из строя лазером или выстрелом из огнестрела.

Однако в результате детального осмотра, проведенного агентом Уэбб и представителями остинской полиции, удалось найти здание на Ламар-авеню, по периметру которого были установлены камеры, а кроме того, камеры находились на ограждении. И судя по всему, во время своего рейда Сумеречные пропустили этот дом. Я вынужден был отдать должное агенту Уэбб – в поисках улики она прошла несколько миль по изнуряющей жаре, внимательно осматривая каждый уголок.

Камеры наблюдения действительно зафиксировали черный «Мерседес», проследовавший по Ламар-авеню мимо Тридцать пятой улицы. Это случилось вскоре после ограбления –

в половине третьего ночи. Но Остин – довольно большой город, так что, похоже, наши поиски опять зашли в тупик.

Я решил сменить тактику поисков. Техасский университет предоставил мне список событий и мероприятий, проходивших в предшествующий ограблению день. Одно из них особенно заинтересовало меня: встреча участников клуба любителей дронов. Ограбление совпало со съемкой метеоритного дождя, которую проводил клуб. Это счастливое совпадение открывало перед нами новые возможности. Мы должны были как можно скорее заполучить записи, сделанные дронами, пока их не стерли.

Выяснив адрес клуба, мы пришли к ветхому дому в западной части кампуса, где встретили двух лохматых студентов, одетых в драные шорты и футболки с изображениями рок-музыкантов. В гостиной повсюду были разбросаны бумаги и тарелки с остатками пищи, мне даже стало интересно, сколько студентов на самом деле жило здесь. Кит и Том – арендовавшие этот дом, в котором сами и жили, а кроме того являлись президентом и вице-президентом клуба любителей дронов, не скрывали своего волнения во время допроса. Кит – вихрастый блондин – неуверенно промямлил:

– Мы ни за кем не шпионили! Честно, мы просто пускали дроны полетать по городу, это законно. Я не понимаю, почему в НАСА так из-за этого всполошились...

Уэбб подняла руку:

– Послушайте, вы не делали ничего противозаконного. И мы из ФБР, а не из НАСА. Нам просто нужна ваша помощь.

Хорошенькое личико и полные сочувствия голубые глаза Уэбб помогли разрядить обстановку, но у меня возникло такое ощущение, что, если бы это не сработало, она показала бы свою крутизну и напугала бы парней до чертиков.

– Конечно, чувак... то есть мисс... офицер. Все, что угодно, – пробормотал Кит.

Как я и подозревал, ребята решили устроить «вечеринку с дронами до утра» и еще не стерли записей. Мы с Уэбб стояли позади них, пока они загружали видео на ноутбук. Я смотрел запись, сделанную Китом, а Уэбб не сводила глаз с компьютера Тома. Через несколько минут Уэбб позвала меня. На компьютере Тома было видно, как черный седан едет по Ламар-авеню. Это был наш «Мерседес».

– Кажется, он направляется то ли к Сорок девятой улице, то ли к Керби-лейн, – сказал Кит, склоняясь над монитором.

Том подошел к нам и кивнул:

– Точно, к Керби-лейн.

* * *

На следующее утро мы с Уэбб, выпив в «Старбаксе» по три стакана кофе каждый, направились к Керби-лейн. Пока мы ехали, я спросил ее, почему она стала работать в ФБР.

– Чтобы всегда быть при оружии, зачем же еще? – рассмеялась она.

– Есть способы и попроще, – заметил я.

– Знаю. – Она замолчала на мгновение. – Я много слышала о вас. Знаю, вы добивались, чтобы Бюро сосредоточило свое внимание на этих Сумеречных. Я вас в этом поддерживаю. Надеюсь, смогу у вас чему-нибудь научиться.

– У каждого чему-нибудь да учишься. В том числе и тому, чего не стоит делать.

Она улыбнулась.

– Да, и ответу на ваш вопрос – в старших классах я была ужасной зубрилкой и хотела стать шеф-поваром после колледжа. А потом мою маму ограбили. Грабитель сильно избил ее. Она впала в кому, и меня это сильно испугало. И разозлило. Посмотрите на меня: я худенькая, невысокая. Но я начала заниматься карате, и одним из моих тренеров был бывший агент ФБР.

Сама я и не думала об этом, но он что-то разглядел во мне. И вот я уже пятнадцать лет здесь работаю.

Вероятно, выражение моего лица было весьма красноречивым.

– Правда? Вам на вид не дашь больше восемнадцати.

Она рассмеялась.

– К счастью, мне уже намного больше. А еще у меня ребенок семи лет. – Она посмотрела на меня. – А у вас?

– У меня никого, – ответил я. Не знаю, почему я не упомянул тогда мою бывшую жену. Возможно, потому что в дальнейшем мы больше не затрагивали эту тему. Я уже собирался спросить о ее ребенке, кто это: мальчик или девочка, когда она сказала, что мы сворачиваем на Керби-лейн, и сбавила скорость.

– Как думаете, что мы здесь найдем? – спросила Уэбб, прищуриваясь и разглядывая дома с нечетной стороны улицы. – Я не вижу никаких «мерседесов».

Я изучал квартал с четной стороны улицы, думая о том, что лучше бы мы прогулялись пешком. Мне хотелось внимательно осмотреть каждый дом.

– Не думаю, что они рискнули бы поехать на «мерседесе» дальше. Их могла бы зафиксировать еще какая-нибудь камера. Скорее всего, бросили машину здесь, и пересели на другую.

Уэбб кивнула.

– Все равно стоит проверить, – сказала она и свернула на другую улицу.

Я не заметил ничего необычного. Затем краешком глаза...

Я схватил руку Уэбб, сжимающую руль.

– Езжайте чуть помедленнее, но не останавливайтесь. Притормозите вон там, – сказал я.

Уэбб остановилась на углу.

– Что мы ищем? – спросила она, поворачиваясь и выглядывая в окно.

– Третий дом с нечетной стороны улицы. Рядом с ним – коричневый гараж, – ответил я, указывая пальцем.

Уэбб прищурилась, рассматривая дом.

– Что там?

– Сложно объяснить. Странные окна, как будто они чем-то закрыты. И весь дом кажется каким-то... ненастоящим. И свет эти окна отражают... как-то необычно. Весь дом похож на декорацию. Словно ему старались придать вид обычного загородного дома, но...

Уэбб наклонила голову на бок.

– Может, вы и правы. Чем больше я на него смотрю... – Она повернулась ко мне, ее глаза были прищурены. – И что теперь?

– Я должен войти внутрь, – ответил я, будто самому себе.

– У нас нет ордера, – заметила Уэбб. Я услышал в ее голосе виноватые нотки, но проигнорировал их, и, думаю, она этому не удивилась.

– Нужно подождать, когда взойдет солнце, – ответил я. – После этого сможем осмотреть дом поближе.

Следующие несколько часов мы по очереди дремали, обливались потом на летней тexasской жаре и рассматривали окружавшие нас дома. Не самая идеальная ситуация, но другого выхода не было. Солнце выползло из-за горизонта медленно, словно пробуждаясь от дремоты. Его теплые лучи окутали мои затекшие плечи. Я не помню, когда в последний раз нормально выснулся. Уэбб положила голову на руль и крепко спала. Мне не хотелось будить ее, но нужно было действовать. Я слегка толкнул ее руку, и она резко пробудилась.

– Что? Мне снился чудесный сон, что я сплю в своей постели.

– Солнце взошло. Я хочу осмотреть дом, – ответил я.

– Хотите, чтобы я вас прикрыла? – сказала Уэбб, потягиваясь и зевая. – Знаете, я могла бы сделать это, не выходя из «Старбакса».

– Размечтались! Нет, оставайтесь здесь и следите за окрестностями. Я скоро вернусь. – Я вышел из машины и направился к темному дому. Солнце служило мне отличным прикрытием, поэтому спешить было некуда.

Я остановился на тропинке перед домом и осмотрелся. В дневные часы Сумеречные были особенно уязвимыми – какой-то период времени они должны были отдыхать в специальных капсулах, наполненных землей. Поэтому я был уверен, что в тот момент они за мной не следят. Они сидят, запершись в доме. Впрочем, это не исключало вероятности, что кто-нибудь из верных последователей Сумеречных мог приглядывать за домом, пока они отдыхают. Эти люди были готовы на все ради своих хозяев, но я знал, что смогу справиться с такими типами.

Я обошел кусты, росшие сбоку от дома, ветви слегка касались моего лица. Камер нигде не было. Подошел к окну около входной двери. Я не ошибся в своих предположениях – вместо стекла там был цемент, покрытый каким-то тусклым, отражающим свет материалом, имитирующим стекло.

Это было тайное убежище Сумеречных.

Земля у основания дома была перекопана. Не знаю, что это означало – возможно, они перестраивали дом и вырыли подвал, где могли бы спать Сумеречные? Все это еще больше усилило мои подозрения. Задний двор был огорожен восьмифутовым бетонным забором. Я подошел к гаражу и дернул за ручку двери, но она оказалась заперта. Присев на корточки, я заглянул в щель между дверьми, однако ничего не увидел – внутри было слишком темно. Я встал и обошел дом по периметру. Фальшивые окна и ветхость дома не оставляли никаких сомнений. Затем я подошел к бетонному забору, отгораживавшему задний двор, и стал искать трещину, щель или выступ, чтобы упереться ногой и перелезть через него. Когда я попытался подтянуться, сзади послышался шум.

– Спускайся вниз и медленно повернись, подняв руки вверх, – сказал чей-то голос.

По тону я понял, что имею дело с офицером полиции. Я еще не успел обернуться, но уже знал, что в спину мне направлено дуло пистолета. Так и было: остинский полицейский пристально смотрел на меня, наставив свой пистолет прямо мне в лицо.

– Офицер, я агент ФБР, – сказал я. – Мое удостоверение в левом кармане пиджака.

Полицейский по-прежнему молча смотрел на меня. Мне показалось, что этот тупой патрульный сейчас выпустит в меня всю обойму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.